

Вероника Тутенко
Дом изгнанников
Роман в картинах

Вероника Тутенко
Дом изгнанников.
Роман в картинах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924236
ISBN 9785005001696*

Аннотация

Героиня, начинающая художница, попадает в различные переделки, в прошлое и будущее, в шкуру кошки, в картину неизвестного художника, в загробный мир – все это ради встречи с избранником, который погиб пять лет назад. Что принесет героям встреча на границе миров?

Содержание

1	8
6	23
7	24
8	26
9	27
10	29
11	31
12	33
13	38
14	60
15	61
16	65
17	67
18	70
19	73
20	78
21	86
22	93
23	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дом изгнанников

Роман в картинах

Вероника Тутенко

© Вероника Тутенко, 2019

ISBN 978-5-0050-0169-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
АРТ-ДНЕВНИК В КАРТИНАХ. ИЛЛЮСТРАЦИИ,
ОНИ ЖЕ КАРТИНЫ, АВТОРА

Нарисовать птице счастья глаза все равно, что вдохнуть в нее душу. Вот так...

Еще одна разноцветная птица в длинном ряду, длинном – не то слово. Могут всю Землю опоясать, наверное.

В общей комнате кровати. Четыре железных кровати, потому что обитателей четверо. Три женщины и мальчик. Они не знают, как друг друга зовут, да это и не важно. Они тоже что-то раскрашивают.

Что нужно художнику? Краски. Кровать. И немного еды. Остальное – от лукавого.

Главное, у них есть общая цель, но никто из них не знает, в чем она заключается.

Птицы счастья тянутся вдоль длинного лабиринта. В конце дня их забирает смотрительница. В руках у смотрительницы бубен. Она ударяет в него, и птицы счастья разлетаются в разные стороны.

Художница не помнит, как зовут эту женщину, но помнит, что чем-то обязана ей, очень обязана. Иногда смотрительница приносит немного денег.

Расписывать птиц счастья, это высшее счастье, дано не всем. Птицы счастья знают, где свет, но их должно быть очень, очень много – больше, чем сама бесконечность...

Нарисовать матрешке глаза все равно, что вдохнуть в нее душу. Вот так...

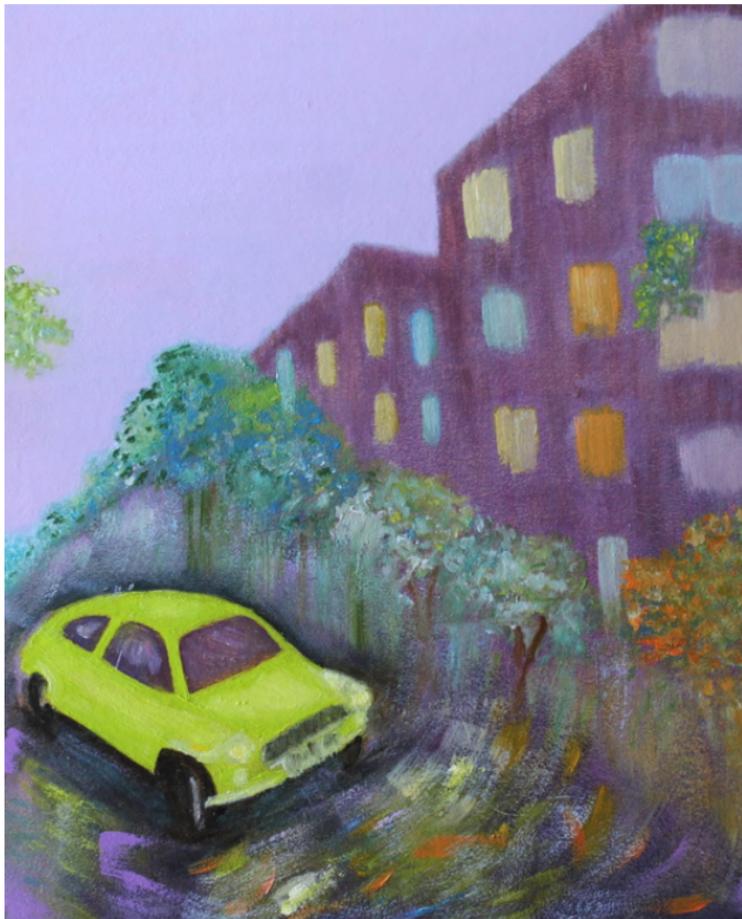
Смотрит весело и ясно. «Аленкой назову тебя», – подмигивает матрешке мальчик. В последнее время он часто разговаривает вслух со своими творениями, и совершенно этого не замечает.

Их так много, что если они возьмутся за руки, то опояшут всю землю, и конечно, выведут на свет.

Иногда он задавался вопросом, где находится их рабочая артель, на Дальнем Востоке или, может быть, в Японии, но какая-то женщина ударяла в бубен и все мысли растворялись в этом звуке. Все, кроме одной: надо делать матрешек, много, много, много, много матрешек, больше, чем сама бесконечность.

Что начитается там, где заканчивается бесконечность? Куклы фукурамы могли знать ответ. Самая ответственная работа в артели – раскрашивать фукурамы.

Она поручена двум женщинам. Они никогда не смотрят друг другу в глаза, но обе совершенно точно знают, нужно сделать много, много, очень много кукол, больше чем сама бесконечность. Они заполняют все коридоры лабиринта и выведут на свет. Кажется, их родина в Японии, вспоминает вдруг одна из женщин. Удар бубна. «Больше, чем сама бесконечность», – шепчет другая и, почти не дыша, рисует фукураме глаза.

Часть I

1

– Лисичка?

– Да нет, – вздохнула женщина. – Не ЛисичкА, а ЛисичкО.

Такая украинская фамилия.

Ее обладательница по-видимому привыкла к этому вопросу.

Она и впрямь была похожа на лисичку. Чуть вытянутое лицо, длинноватый с чуть вздернутым кончиком нос, хитроватый разрез небольших глаз. Невысокая, худая и юркая.

– Странная фамилия – все, что оставил мне отец, – совсем не грустно улыбнулась Лисичка.

Я не знаю, откуда у меня эта дурацкая потребность записывать все, что со мной происходит. Записывать безжалостно честно, за что на меня нередко обижаются знакомые, и тем более не думала, уж никак не ожидала, что меня вдохновит Лисичка.

Мы с ней даже немного похожи. Разрезом глаз и тем, что ей тоже искренне интересны другие люди. Конечно, не все, а те, которые вызывают щелчок в мозгу, и на какое-то время судьба незнакомого даже порой совсем человека становится твоей.

Лисичка не писательница и к писательству не имеет никакого отношения. А кто она по профессии? Нет, не бухгалтер, но что-то, связанное со счетами, бумагами. Надо будет

спросить у нее при следующей встрече. Но она хорошо разбирается в людях и сразу заметила, что я привыкла к комфортабельным квартирам, а потом, слегка прищурившись, добавила:

– Здесь тебе тоже понравится. Но не сразу.

Пока все, что мне нравится здесь, это две картины, большие, в узорчатых рамах. На одной цветы и фрукты, на другой – пруд и лилии, и то, мне кажется, цвета могли бы быть поярче. Пожалуй, полностью меня устраивает только мякоть арбуза, хоть она почему-то без косточек, вернее, они темно-красные, и лилии на фоне пруда.

Художник, имени которого Лисичка не помнит – один из многих обитателей этой квартиры. На полотнах неизвестных художников всегда остается какая-то таинственная недосказанность, так что иногда забываешь, что по другую сторону холста – стена типовой многоэтажки, а вовсе не дверь в другое время и пространство, где в ожидании тебя даже ветер замер над рекой и вечно цветет апельсин.

Кого здесь только не было! Об этом Лисичка рассказывает долго и увлеченно, скурпулезно заполняя от руки договор с очередным арендатором, то есть со мной, а меня все это время не отпускает ощущение, что я здесь не просто так, а зачем-то.

Собственно говоря, я вообще не верю в «просто так». Все на земле имеет свой, да-да, сакральный смысл.

Собственно говоря, с писательством я решила завязать,

вернее так, закончить неоконченные шедевры, иначе потомки не простят, и уже потом завязать, но тут появилась Лисичка, и я пишу о ней и ее квартирантах на ее кухне, которая по совместительству является также ванной комнатой.

«Ванной комнатой», конечно, сказано громко, но зато теперь я понимаю, почему она, когда я позвонила по объявлению, спросила про мой рост и вес. Я в общем-то довольно компактна для того, чтобы забраться в сидячую мини-ванну, но это весьма неудобно, а я, как заметила Лисичка, привыкла к комфорту. Но я довольно скрытна, поэтому буду писать не о себе, а о квартирантах Лисички. Мне почему-то хочется назвать их постояльцами. Каждый оставил какой-то след после себя в ее квартире, в ее душе, а чаще попросту наследил.

Иногда Лисичка по ошибке называет меня Кристина. Так зовут девушку, которая жила здесь до меня, правда, съехала через десять дней, оставив залог, как предусмотрено условиями договора. Деньги, полученные от постояльцев, Лисичка сразу же высылает дочери в Москву. Там подрастают трое внуков, старшему года четыре, и по три года мальчику и девочке – двойняшкам.

О Кристине хозяйка рассказывает с сожалением, хотя знает о ней только то, что она путешественница и приехала из Обояни.

Я чувствую, также Лисичке очень хочется, чтобы и я прижилась в ее квартире. Я тоже ей нравлюсь, хотя, возможно, и не так, как Кристина.

О всех своих постояльцах Лисичка говорит с какой-то даже ностальгией (хотя многие из них и доставили ей хлопот) за исключением, конечно, Оборотня. Так Лисичка окрестила одного из них, имени которого не помнит или не хочет называть и, конечно, Лисичка никогда бы не впустила в свой дом такого типа, если бы он самолично пришел заключать договор.

Но договаривался с ней об аренде весьма приличного вида мужчина. Видимо, отвратительный тип знал, какое производит впечатление.

Уже наутро, когда Лисичка по своему обыкновению наведалась в квартиру, где они жили когда-то с матерью, она увидела мерзкую харю, руки сплошь в татуировках. Вдобавок при нем была голая женщина, которую совершенно не смутит приход хозяйки.

Представив, что уютный однокомнатный мирок, где прошло ее детство, превратится в притон, Лисичка строго поинтересовалась, что здесь происходит, и, услышав от наглой морды «я здесь буду жить» потребовала немедленно убираться вместе с голой девицей.

Наглая морда ответил на тюремном жаргоне, чтобы Лисичка убиралась сама, и ей пришлось употребить всю свою хитрость и смелость и даже козырнуть тем, что у нее есть знакомые в администрации. Нехотя, но Оборотень с подружкой убрались.

Последним здесь жил дальнобойщик-армянин, точнее,

наведывался, но за те несколько дней, которые он проводил в квартире, умудрялся развести мокриц и прочую живность, о которой я даже писать не хочу.

Не отличался аккуратностью и бизнесмен, открывший фирмочку по очистке воды недалеко от дома Лисички. Его она выгнала за пьянство. В доме Лисички должен быть порядок.

– Как-то сдавала квартиру студентке-вьетнамке, – возмущенно рассказывает Лисичка. – Прихожу утром, а рядом с ней еще одна подружка на диване, и две еще на полу на матрасе, хлопают испуганно узкими глазками.

Уверяю Лисичку, что буду жить здесь одна и что именно потому и собираюсь снять ее квартиру на полгода, что мне просто необходимо в последнее время творческое уединение.

Она недоверчиво смотрит на меня:

– Не зарекайтесь.

И добавляет, что если в квартире будет происходить что-то подозрительное, соседка, живущая через тонкую стенку, услышит, что что-то неладно и доложит обо всем Лисичке.

– А есть у вас духовка? – перевожу разговор на более приятное.

– Ты собираешься здесь печь? – почему-то удивляется она.

Печь я люблю. Нечасто, но месить тесто для меня примерно то же, что играть на фортепиано. Играю я, правда, неважно.

но. Мне нравились в детстве ударные, но родители не стали меня даже слушать, приняли мои слова за шутку и отдали в музыкальную школу на фортепиано, где я мучала семь лет учителей. Но пальцы у меня музыкальные. «Такими пальчиками хорошо тесто месить», – говорила моя бабушка. Оно и впрямь у меня воздушное, ажурное, стремящееся над кастрюлями ввысь, словно музыка.

– Только противень надо почистить, – предупреждает Лисичка. – Здесь раньше только Саша очень вкусные пирожки пек. У него всегда в квартире такая была чистота!

Недовольным взглядом обвожу ковры. Я их не слишком люблю, и Лисичка это сразу замечает.

– У него был пылесос, – голос ее почему-то становится грустным, и она замечает, что я смотрю, как на врага, на огромный разлапистый стул в несвежей обивке.

– Можешь закинуть его на антресоли. Там искусственная елка и игрушки. Их, правда, никогда никто не доставал. Только Саша. У него на Новый год всегда была елка. А встречал он Новый год один. Жена от него ушла, и я всегда еще думала «надо же, каких мужиков бросают».

Лисичка включает телевизор. Местные новости. Телеведущий сообщает, что в последнее воскресенье декабря на главной площади города пройдет ежегодное шествие Дедов Морозов. Надо же, скоро и впрямь Новый год.

– А где он сейчас? – мне почему-то становится важна и интересна судьба этого Саши, который так замечательно пек

пирожки.

– Он умер, – будничным тоном отвечает Лисичка и смотрит на лампу в скромном бутоне люстры. Поспешно добавляет «в больнице». – Его сбила машина, пять лет назад... Очень жаль... Такой был Квартирант!

Это слово мне хочется написать именно так, с большой буквы, иначе мне и не выразить интонацию Лисички.

Она еще долго проводит экскурсию по квартире, подробно информируя о назначении каждого пластикового контейнера и обрезанных пластиковых бутылок, так что я начинаю неприлично зевать, опираясь на дверной проем, который осадили искусственные розовые и нежно-голубые искусственные плетистые розы. Они в ее доме повсюду, как в джунглях лианы. Довольно, кстати, мило, хотя вообще я не отношусь к поклонникам стиля шебби шик.

2

Прежде я не раз замечала, дом, в котором когда-то жил большой художник, автоматически становится раз и навсегда свободным от всякого рода условностей, в том числе от условностей пространственно-временных.

Но кто этот большой художник? Где он сейчас?

Никаких улик, в смысле, следов, которые могли бы привести к разгадке.

Да, это странное и приятное ощущение осознавать, что там, где ты сейчас живешь, совсем недавно жил кто-то, кто,

возможно, очень велик, но и сам еще не знает об этом. Однажды художник умрет, а картины его будут жить еще века, может быть, тысячелетия даже, а на месте, где он когда-то творил, может быть, откроют музей, а может, и нет – не в этом суть. Гораздо важнее всех этих музеев и самых обычных картин сама атмосфера искусства.

Однажды я была в мастерской художника, точнее, мастерской служила комната в двухкомнатной квартире на окраине города, где по соседству жили мы до того, как родители смогли купить свой дом.

Я прослышала, что недалеко от нас живет самая настоящая писательница, у которой самое настоящее издательство издало несколько книг. Мне хотелось посмотреть на небожительницу вблизи, поговорить с ней, но надо же было найти какой-то более или менее уважительный предлог, чтобы вот так взять и заявиться без приглашения, и я не придумала ничего лучшего, кроме как собрать свои первые рукописи в папку и, собственно, отправиться в гости. Зовут писательницу Марианна Рэйн.

– Что я ей скажу? – судорожно размышляла я, нажимая кнопку звонка.

Дверь мне открыла невысокая женщина с большими голубыми глазами и медно-русыми естественными локонами до плеч.

Пухлые губы, чуть вздернутый нос... У нее было серьезное выражение лица, но во всем ее облике чувствовалось

что-то озорное, и от этого неуловимого моментально ушло все мое напряжение, и я простыми словами сказала ей, что хочу писать романы и пробую сочинять и что хотелось бы, чтобы она посмотрела мои рассказы и сказки и сказала, стоит ли мне вообще сочинять.

Последнее было, конечно, лукавством. Даже если бы она сказала «ни в коем случае», я бы, погоревав немного, все равно взялась за свое.

– Стоит ли сочинять, – чуть тронула губы женщины озорная улыбка, – на этот вопрос может дать ответ только сам сочинитель. Но если вам интересно мое мнение, я посмотрю.

Она пригласила меня войти.

Осторожно, как хищное животное породы кошачьих, я проникла на ее пространство. Именно так мне хочется назвать ее квартиру, которая даже на первый взгляд не была обычной двушкой.

Отовсюду, как в джунглях, в ней торчали какие-то коряги, сползали лианы, на полках со старинными книгами и новинками затаились кедровые шишки, монеты разных стран, букетик лаванды, каштаны, ракушки, кусочек метеорита, фигурки морского коня, папирус, разбитый кокос, бивень мамонта – у каждой из этих вещиц была, конечно же, своя история. Я готова была их слушать часами.

– У вас не комната, а целый музей...

Определение «музей» было не совсем верно, правильнее было бы сказать «страна» или «мир», но это прозвучало бы

слишком патетично, хотя я и впрямь чувствовала себя в комнате писательницы, как Алиса в Стране Чудес.

Хозяйка, видимо, заметила, что я пытаюсь урезонить свой восторг, и улыбка ее стала не просто озорной, а какой-то заговорщицкой даже.

– Все самое интересное – там, – показала в сторону комнаты сына. – Он никому не показывает свои картины, но я чувствую, они великолепны! Признаюсь, мне бы очень хотелось их увидеть, но... раз художник не разрешает, значит...

– Но почему не разрешает? – мне страшно хотелось пробраться в запретную комнату, служившую художнику мастерской. – Картины для того и нужны, чтобы ими любоваться.

– Полностью согласна, но если бы я и хотела войти в эту дверь, она все равно закрыта. Он говорит, картины еще не дописаны, – вздохнула женщина и бессильно подергала ручку двери.

Неожиданно дверь поддалась.

– Надо же, – удивилась женщина. – Забыл закрыть...

Она осторожно крадущейся походкой прошла внутрь, и моя шея почти произвольно вытянулась в сторону дверного проема, откуда доносились восхищенные возгласы.

– Только посмотри!

В ту же секунду я стояла рядом среди картин. Они были наполнены таким счастьем и такой грустью, что на какое-то время я совершенно забыла, что обступивший меня пронзи-

тельно-волшебный мир – только краски и холсты.

– Это не просто картины. Разве можно прятать такое? Нет, я вечером скажу художнику, что это безобразие – скрывать такие картины, – женщина называла сына исключительно художником.

– Разве они не закончены? – удивлялась я.

– По-моему, куда уже законченной, но он постоянно что-то в них переписывает. Наверное, хочет, чтобы птицы запели на его картинах...

– Мне кажется, она вот-вот запоет, – я остановилась у картины, на которой была изображена какая-то невиданная птица, похожая на нашу дикую утку, но с флейтой вместо клюва, и это почему-то было совершенно естественно, так, что хотелось услышать, какие звуки она издает этим изумительным клювом.

Я совершенно забыла, для чего пришла.

Птица высидывала в чаще леса золотые яйца.

Другие картины я толком рассмотреть не успела, потому что на лестнице послышались шаги, и, быстро пятясь, хозяйка покинула комнату. Я на цыпочках последовала за ней.

Мы спрятались в комнате хозяйки за закрытыми дверями. Она устроилась в плетеном кресле-качалке, предложила мне сесть на диванчик, покрытый мягким белым искусственным мехом. Включила настольную лампу, потому что уже темнело, и принялась вполголоса читать мои рассказы.

– По-моему, – она перевела взгляд с моих рукописей

на меня, – и романы у вас получатся превосходно.

Ее слова, ставшие неслыханным ободрением для тогда еще не слишком уверенной в себе старшеклассницы, для меня некая мантра. И кто бы мне что не говорил, при всем моем уважении к критике, у меня есть невидимый для других ярко сверкающий щит, который всегда помогает мне двигаться дальше туда, куда я стремлюсь.

Почему-то сейчас, глядя на полотна без подписи, я вспоминала тот случай. И даже в манере художников, мне показалось, есть что-то общее, хотя, конечно, я не искусствовед, чтобы делать подобные выводы.

3

В квартире где-то тикают часы. Я слышу их каждую ночь. Днем они почему-то молчат. Странные какие-то часы. Кто их мог оставить и зачем?

Время-верховный судья, только лекарь неважный.

Впрочем, и сам он хронически болен дождем.

В этот бесснежный декабрь, то промозглый, то влажный верится мне, что мы все же друг друга найдем, – пришла ко мне однажды вечером разгадка. Откуда? Я не знаю, откуда приходят стихи. Я как будто случайно подслушала чьи-то мысли. Саши? Кристины? Дальнобойщика, который развел на кухне мокриц? Я не знаю, не знаю, не знаю...

4.

Снега как не было, так и нет. Время добралось до середины декабря и замерло, увязло в слякоти. Мне хочется ему помочь, и я ставлю на большую устойчивую табуретку другую, поменьше и лезу на антресоли, где пылятся старый чайник и старый утюг. И, конечно же, елка и горы игрушек из фольги. Наряжаю зеленую в спальне. Расправляю ей ветки, и иглы осыпаются на ковер, который пылесосил только Саша, как настоящие. От этого мне почему-то становится весело, не хватает только мандаринов и «Jingle bells». Зато у меня есть пара маленьких пакетиков из фольги из-под подарков.

Неожиданно блестящие вещицы, которые я хотела было отправить в мусорный пакет, смотрятся на елке удивительно уместно и современно как воплощение праздника в экости-ле. Не надо рубить красавицу, покупать игрушки из китайского пластика. Добираюсь до макушки. Туда бы какую-нибудь звезду, и мои пальцы останавливаются на искусственной ветке.

Несколько живых светлых длинных волос там, где должна быть звезда. Снимаю их, бросаю в унитаз.

Нет, мне не страшно. Квартира, я знаю, освящена, а дорога от нее ведет к старинному храму, а рядом еще один, я была там в воскресенье, был как раз какой-то великий Праздник, но я попала на него случайно, а после Службы молодой батюшка говорил, что любовь – это все, где нет ее, там искажается сама природа, становясь противоположностью самой

себе.

Мне жаль, что мы с Сашей встретились в пространстве, но разминулись во времени. Мы бы вместе пекли пирожки. Он бы влюбился в меня, а я полюбила его, и он бы мигом забыл ту свою неверную жену. Не знаю, почему я решила, что она неверная.

Если бы не было той машины...

Не сходится опять. Мы бы также продолжали жить, не зная друг о друге, в одном пласте времени, но никогда бы не сошлись так близко на пересечении меридианов-параллелей.

5.

Сегодня звонила Лисичка, и я не сразу узнала ее. Хорошо, не сказала ей об этом.

Удивительно, что я ни разу ей не позвонила, так что она даже немного испугалась за меня, тем более, сегодня ей звонил какой-то странный тип, сказал, что какая-то хозяйка (видимо, имелась в виду я) сказала ему, что съезжает 21-го, и он хотел бы въехать в квартиру Лисички.

Я понятия не имею, кто бы это мог быть. Уверяю Лисичку, что дверь никому не открывала, как и обещала настоящей хозяйке.

Но договор я, действительно, заключила 21-го. В этот день я окончательно решу, нравится ли мне квартира Лисички. Расположение очень удобное: магазины, развлечения – все

рядом, но минусов тоже немало. По ночам очень холодно. Не спасает и одеяло. И страшно гремит канализация, когда кто-нибудь с верхних этажей берет за ручку сливного бочка. Из-за этой особенности старого дома я просыпаюсь за ночь несколько раз. Лисичка догадывается об этом. Не удивительно, что поэтому и придумала таинственного потенциального квартиранта, чтобы во мне заговорило «такая корова нужна самому». Если только кто-то не следит постоянно за квартирой Лисички и не видел, как двадцать первого я заселялась я нее. Двадцать первого придет Лисичка.

6

Я разговариваю с Небом, облаками. Одни из них похожи на стаю дружных дельфинов, другие – на рыбацкие лодки. А как-то я увидела в синеве два сердца рядом, как связанные невидимой нитью воздушные шарики.

Я знаю, кто и откуда прислал мне привет. Облака красно-речивее слов.

Иногда я думаю о том, что было бы, если бы мы с Сашей не разминулись в материальном мире. Как бы он смотрел на меня, как держал бы за руку, каким был бы первый поцелуй, и какие хорошенькие у нас были бы дети.

Когда я вижу где-нибудь на выставке картину, где двое идут под одним зонтом, я представляю, что его держит Саша над нами. Но ливень вдруг становится настолько сильным, что зонт уже не спасает и мы вместе мокнем под дождем. Мои пальцы путаются в его волосах влажных и мягких, слегка волнистых от обложившей нас влаги. В этих мечтах нет ни логики, ни смысла. Только глупая какая-то надежда. Хотя на что я надеюсь?

На мою елку Лисичка даже не взглянула, направилась напрямиком на кухню. Забрала квитанции, которые я к ее приходу достала из почтового ящика, и положила поверх них предназначенную мне бумаженцию – перечень всего, что есть в доме, включая перешитые из хирургических халатов подлокотники, предназначенные для того, чтобы такие, как я, не запачкали ненароком диван. (Кстати, работала Лисичка много лет до самой пенсии начальником склада).

Список меня позабавил и вместе с тем немного расстроил. В нем пунктов двадцать – не меньше, и напротив каждого мне предстояло поставить отметку, что да, эта баночка или губка, действительно, в доме есть, заглядывать снова на антресоли в поисках старой кастрюли и чего-то там еще. И все это накануне Нового года.

– Уезжают и прихватывают с собой все, что попадает под руку, все столовые приборы забрали, – оправдывалась почему-то Лисичка. Я понимающе кивнула, не собираясь развивать эту тему, тем более, меня ждали в бане – этакий ежемесячный девичник.

И все же я задала хозяйке вопрос, который интересовал меня в последние несколько дней: какого цвета волосы были у Саши.

– Он был лысый.

Она не удивилась вопросу, но я все равно рассказала ей о белокурой прядке на елке.

– Скорее всего, к нему приходила какая-то женщина, может, дочь, а может... – Лисичка пожала плечами. – И соседка видела какую-то блондинку, а она, если что подозрительное, все сразу замечает и рассказывает мне.

Хозяйка строго посмотрела на меня, а я многозначительно и неприлично на белые наручные часы, которые недавно заказала в Интернете.

Лисичка отступила к порогу и пожелала мне найти мужа в Новом году, а я ей – здоровья и счастья.

8

Со мной происходит что-то странное, это даже похоже немного на влюбленность. Мысль «если бы мы встретились с Сашей» стала для меня идеей-фикс и, не слишком считаясь с судьбой и реальностью, я часто мысленно веду беседу с Сашей, спрашиваю у него совета, рассказываю о своих успехах и поражениях. И он всегда поддерживает меня и слышит, и понимает. У него всегда чуть насмешливый голос.

Когда я сажусь на кухне вечером ужинать, мне часто кажется, что Саша сидит напротив и смотрит мне в глаза серьезным долгим взглядом.

Первый снег еще недавно только-только стыдливо прикрывал нагую землю, а теперь нереально огромными хлопьями опускался на крыши, головы прохожих и капоты вечно спящих, особенно в час пик, автомобилей. Из-за пробки я все же опоздала в баню, но почему-то в этот раз в парилке мне было совершенно неудобно и все время тянуло в холодный бассейн.

Мне хотелось снова оказаться на улице под снегом, но несметные полчища снежинок уже атаковали остановки и супермаркеты и, кажется, терпели поражение.

Меня предали, поняла я вдруг, что со мной происходит.

Дело было не в снежинках, конечно, – в той женщине, блондинке, таинственной Снегурочке. Гораздо лучше было бы, если бы Саша оказался блондином с волосами до плеч, как у Курта Кобейна, тогда я пошла бы поставить свечу в старинный храм, к которому ведет дорога от старого дома, в котором временно живу я и другие, и который построили пленные немцы, которых всех уже нет на земле.

А дом с его гремучей канализацией и сидячей ванной, отгороженной от кухни лишь клеенчатой шторкой с разноцветными герберами, дом, капитально отремонтированный, ждет долголетие, потому что он памятник архитектуры, и не исключено, что в нем бывали какие-нибудь великие лю-

ди, надо покопаться в Интернете.

И все же Лисичка была права. Мое съемное жилище начинает мне нравиться.

Ночью перестали тикать невидимые часы. Я хочу увидеть разгадку во сне, но снится мне какая-то бессвязная ерунда, что отнюдь не мешает мне проспать почти до обеда.

Мне часто снится один и тот же сон. Как будто я иду по улице, где прошла моя юность, и вижу знакомую дверь. Но за дверью теперь не то, что было раньше, за ней теперь живут садовые гномы, и они почему-то меня пугают, хотя в жизни я отношусь к садовым гномам даже с симпатией.

Они охраняют магазин. В нем почему-то всегда очень мало покупателей. Я часто в нем что-то примеряю, но почему-то никогда и ничего не покупаю.

В реальности там находится магазин канцтоваров, я люблю покупать в нем красивые тетрадки и ежедневники.

Я вообще люблю писать только в красивых тетрадках и красивыми ручками, это сродни фетишизму, наверное.

Мне нравится сам процесс, когда в меру жирный и темный стержень соприкасается с гладкой бумагой (неприменно в клеточку), и тетрадь, желательно, чтобы в твердой обложке.

И, разумеется, обложка должна вызывать у меня какие-то приятные эмоции, а в идеале – вдохновлять. Сейчас у меня блокнот с голубыми лодками на черно-белой реке и надписью «Live as you want», и это целое искусство иногда (я о надписи на обложке).

Я не люблю сразу набирать текст на клавиатуре, хоть и, не спорю, это быстрее, и в чем-то правы те, кто говорит, что я делаю двойную работу. Но, с другой стороны, когда стержень находит сцепление с бумагой, мысли разгоняются легко, как по взлетной полосе, и эта белая тропинка, которую чаще называют полосой, уведет тебя за облака и медленно растает, но будет другой идущий на посадку самолет. Железные птицы летают по расписанию, хотя погода и обстоятельства постоянно и вносят в него свои коррективы.

Книги я покупаю в том магазине редко, и в основном только подарочные издания.

Наспех причесавшись, выхожу за кефиром. Когда меня что-то беспокоит, могу брать в рот только его. Я как будто больна. Разошлись меридианы-параллели. Но звуки музыки перемещают меня в плоскость беззаботного веселья, что нередко случается в предновогодние дни.

Навстречу праздничной толпой идут Деда Морозы со Снегурочками.

Конечно! Последнее воскресенье декабря. Шествие Дедов Морозов! Снег снова валит хлопьями и сразу тает прямо в воздухе, так что пальто мое вскоре становится мокрым насквозь, но это меня не особенно волнует. В эти дни я всегда жду не больше – не меньше – волшебства. И оно приходит, но все эти маски, бутафория – забыть о них довольно сложно, но на какое-то мгновение я все равно забываю о том, что Деда Морозы со Снегурочками ненастоящие и машу им рукой в ответ, следуя немного впереди шествия, пока оно не рассыпается у главной елки города.

Под ней всегда один и тот же снеговик, с которым тем не менее из года в год постоянно кто-то фотографируется.

Некоторые персонажи остаются у сцены, но мне не хочется смотреть концерт с их участием.

Пусть сказка так и останется сказкой, а я пойду в старый дом пить чай и куплю по дороге пирожок с яблоками.

Дорогу мне перебежали два Мороза, один из них в сверкающих капроновых черных колготках был девушкой. Срывая с себя бороду, он прыгнул в автобус. Второй Мороз последовал за ним.

Девушка Мороз рассмешила.

12

Возможно, кому-то мой образ жизни может показаться довольно странным. Мне и самой он кажется иногда довольно странным, тем не менее это мой выбор, и я не жалею о нем.

В оправдание свое могу сказать лишь то, что когда-то я жила, как все нормальные люди, и даже вставала в шесть утра на работу, что сушая пытка для сов.

Работала я менеджером по развитию на фабрике по производству натуральной косметики. В помещении, у входа в которое росли петунии в пиалах, пахло сладковато и немного душно, но прежде, чем вдыхать лаванду, розу и множество других ингредиентов, стоявших в отдельном помещении, нужно было пройти сначала мимо кожзавода, где постоянно что-то жгли. Запах стоял невыносимый и постоянно вторгался в мир растительных ароматов; так в сказках герой-антагонист не дает спокойно жить и дышать хорошим и добрым героям.

В общем, однажды я решила: хватит себя истязать, ведь все-таки жизнь одна... вы меня понимаете. Конечно, первое время, не скрою, было страшновато. Бывало, я даже ругала себя: подумаешь, цаца, запахи ей не те, вставать ей рано, начальница не та. Она мне, кстати, тоже не нравилась своим тотальным контролем, который был еще почище той вони-

щи, которая давала нам прикурить.

Ровно в 18.00, а работать, как я уже говорила, приходилось от звонка до звонка, у моей начальницы возникало хроническое жаркое желание обсудить с подчиненными планы на завтра или только что вышедший продукт нашей компании, а они появлялись чуть ли не каждый день, что, в общем-то, не удивительно.

Нет, дело не в чудо-технологиях и гениях-технологах. Чтобы появился новый продукт, частенько достаточно заменить один-единственный компонент и – вуаля – был крем для нормальной кожи «клубника», стал «ежевика» – суть та же, но разные запахи и коробочки. Их разрабатывает в компании очень милая девушка, талантливая художница Олеся.

Признаться, если бы за соседним столиком сидела какая-нибудь гримза, я бы покинула фабрику гораздо раньше. Я отношусь к тем женщинам, которым, как капризным цветкам, важно окружение. Если рядом с ними сорняки или дерево отбрасывает тень или, напротив, солнцепек, расти они не будут и увянут.

Так и я. Вторая моя коллега, Ира, тоже приятная общительная девушка, но мы с ней мало поработали вместе. Вскоре после того, как я пришла, ее пригласили на освободившееся место в администрации.

Вдобавок ко всему у меня началась аллергия – не то на правильный образ жизни, не то на нашу замечательную

продукцию, которую, как гордо возвещал наш слоган, мы не испытывали на бедных зверушках. Конечно, ведь ее испытывали на нас. Каждый день на наших столиках появлялись новые пробники, а утром в кабинете директора мы рассказывали, как и что влияет на нашу кожу.

Да, конечно, сначала по инерции я попробовала найти себе другую работу, где прекрасное руководство, платят много и вовремя и при этом ты обожаешь то, чем занимаешься в несвободное время и имеешь массу свободного на собственные проекты... Но такую работу я не нашла.

Итак, я предпочитаю жить так, как мне нравится, делать то, что я хочу и, что немаловажно, тогда, когда хочу, и, да, получать за это деньги.

Знаю, вам не раз в Инстаграме или где-то еще присылали якобы подобные предложения ничего не делать и... на самом деле в это случае вкалывать придется, как папа Карло, и получать (во всяком случае первые несколько лет) очень, очень скромный доход, это немного похоже на секту, хотя те, кто промышляет сетевым маркетингом и примутся мне с жаром возражать, особенно те, кто поднялся уже с низшей ступени пирамиды. Что ж, я знаю нескольких людей, у которых работа в сетевом маркетинге это, действительно, призвание, и у них получается продавать косметику или что-то еще легко и даже играючи, но таких в этом бизнесе процента два, не больше.

Да, кто-то из остальных девяноста восьми процентов име-

ет, конечно, полное право мне сказать, ты что такая умная, учишь людей жить?

Да, он имеет полное право раскритиковать мой нынешний образ жизни.

Каждое утро я начинаю с рассылки своих историй. У меня уже немало написано, и теперь, когда у меня есть вышедший в настоящем издательстве роман, мне легче продавать журналам свои короткие рассказы и сказки. Да, не все журналы платят гонорары, и хотя я зарабатываю текстами на жизнь, я не отказываюсь время от времени и от бесплатных публикаций. Все же это привлекает ко мне внимание как к автору, а без рекламы сейчас никуда.

Затем с наслаждением пью, замотавшись в плед, на кухне Лисички кофе, обдумывая предстоящий день. О да, я обожаю строить планы – на сегодня, на завтра, на целую жизнь. И все же с заданного трезвым расчетом курса меня частенько сбивают лень и вдохновение. И если с первым еще можно что-то поделать с помощью того же мокко, то второе завладевает творческим человеком неожиданно, всецело и надолго.

Да, я знаю, многие гуру от психологии учат жить именно так – по вдохновению, следуя за радостью, и... нет, пожалуй, они все-таки правы.

Итак, я пью кофе с молоком из большой чашки цвета марсала из каменной керамики.

На чашке мчатся белые олени, небольшое такое оленьё

стадо опоясывает ее, и, если быстро поворачивать ее в руке, кажется, один олень бежит по кругу.

Эту чашку я вожу с собой везде, где мне предстоит пожить более трех дней. Она из разряда любимых вещей, с которыми уютно и светло, и хочется творить и даже петь.

Нет, голос у меня, если честно, не очень, но слух, определенно, имеется.

На Новый год меня пригласили в гости друзья. Влад и Лена живут всего в двух остановках от меня, в самом центре города, разумеется, огороженном в праздники во имя порядка, так что добраться до дома друзей можно только пешком. Тем более у меня закончились деньги на телефоне, что в канун Нового года весьма неприятно, и значит, нужно срочно найти автомат. Магазины все, конечно, были закрыты.

На огромном экране над сценой на главной городской площади россиян поздравлял президент, но слушали его в основном одни студенты-иностранцы и те, кого бой курантов застал на улице.

– Шампанского? – протянул мне пластиковый стаканчик незнакомец лет пятидесяти пяти и достал из пакета бутылку «Советского».

– За счастье! – зашипел алкоголь.

Над моей головой рассыпались блестящими ошметьями хлопушки.

– А теперь танцы! – провозгласила на сцене Снегурочка в большой серебристой короне, и африканские студентки, одна в белой шубке, а другая в белой шапке, пустились в пляс. Рядом под русские песни о зиме танцевали вьетнамцы, чуть поодаль зажигали бенгальские огни индийцы.

– Одни иностранцы, русских почти нет, сидят по домам, –

как будто прочитал мои мысли новый незнакомый знакомый. – Одни в незнакомой стране и не у всех есть деньги, чтобы вернуться обратно, так и будут здесь жить, как изгнанники.

Вздых незнакомца заглушили залпы фейерверка. Небо над городом, над многими и многими городами превратилось в сверкающую палитру, и я отправилась дальше на поиски автомата.

Я нашла его чуть поодаль от дороги. Следом за мной от праздничной толпы отделился молодой человек с иссиня-черными бровями и волосами и смугловатым лицом. Национальность его определить было сложно. Возможно, метис.

Говорят, метисы самые красивые люди на земле. Молодой незнакомец, вероятно, иностранный студент, был, действительно, очень хорош.

– Меня Тойле зовут. Я могу чем-нибудь помочь?

– Спасибо, – отказалась я.

– Можно пригласить тебя в кафе или бар?

– Сколько тебе лет? – зачем-то спросила я.

– Двадцать т... – осекся Тойле, – пять, – надбавив себе парочку лет.

– Я старше тебя, – предупредила я тоном строгой старшей сестры.

– Я вижу, – остался невозмутим Тойле, – тебе двадцать шесть или двадцать семь.

На самом деле мне больше, но продолжать играть в «угадай возраст» было бессмысленно и неинтересно.

– Ты такой красивый, необычный... – продолжал иностранец с полусказочным именем. – Тебя, наверное, где-то ждут.

– Да, – не солгала я.

Ждали меня зря. Когда палитра неба снова стала беззвездно синей, я отправилась домой, получая по дороге поздравления от подвыпивших молодых людей.

Хотелось спать, но в новогоднюю ночь как-то не принято так сразу отправляться в царство Морфея, и я надела туфли-лодочки на шпильке и подошла к большому зеркалу. В уложенных на одну сторону светло-коричневых волосах путались конфетти, что и правда придавало мне необычный и праздничный вид. Ажурное желтое платье было связано когда-то давно на заказ, но надевала я его крайне редко, потому что оно слишком уж прозрачное. В белом цвете такое можно надевать невесте. А в желтом замечательно встречать год Желтой Собаки, что и сделала я. Желтой Собаке, я думаю, понравилось, и теперь весь год меня ждет большая, огромная даже удача. Но к Владу и Лене идти в таком наряде точно не стоило, иначе Лена бы решила, что я намереваюсь соблазнить Влада, и год Собаки был бы испорчен у всех троих. И идти с Тойле в кафе не стоило тоже. Пусть лучше останусь в его памяти, если останусь, конечно, девушкой с конфетти в волосах, чем вульгарной дамой в платье, сквозь которое видна вся ее анатомия. Нет, стыдиться мне в принци-

не нечего в том смысле, что тело у меня упругое, подтянутое даже. Немногим женщинам нравятся их фигуры, и я как раз из числа этих счастливиц, хотя некоторые считают, что мне стоило бы немного похудеть, другие, – что, наоборот, слегка поправиться. Но в целом это как раз и говорит о том, что я нахожусь где-то в золотой середине, и не полнеть, не худеть мне не надо.

Да, я выгляжу, пожалуй, моложе своих лет, одно из тех лиц, по которым трудно определить возраст. У меня интересный овал лица, сильно сужающийся к подбородку, широкие и высокие скулы. Идеальным считается по канонам красоты правильный овал, но мне больше нравится такой, как у меня. Красная помада на губах. Мне идет, хоть, говорят, мужчины не любят яркий макияж, но он прекрасно сочетается с конфетти и моими, скажу без лишней скромности, красивыми ярко-синими глазами.

Я села за стол с ананасами, маслинами и сыром, налила в бокал морковный сок и включила телевизор. Все эти так называемые новогодние шоу, мишура, толкотня и беготня страшно раздражают меня. Я пощелкала кнопки на пульте, на всех каналах именно эта возня и бессмыслица.

Лисичка говорит, что я слишком раздражительна и это мешает мне жить. Отчасти она права, хоть и я оправдываю себя тем, что творческие люди в принципе легко возбудимы, и поэтому любая ерунда может дать толчок вдохновению. Но об этом я говорить хозяйке не стала, а она посоветовала

мне, как когда-то своему старшему сыну, наклеивать на лоб этикетку от банана, чтобы не залегали мимические морщины, обличающие злую сущность человека.

У меня как раз в холодильнике была пара бананов. Я включила телевизор, наклеила на лоб этикетку, услужливо оказавшуюся на одном из них, стряхнула с волос конфетти, взяла в руки телефон и подумала, не забыла ли я кого-то поздравить с Новым годом.

У меня много друзей и еще больше знакомых, случайных и неслучайных, у меня прекрасные родственники, так что даже странно, почему я одна в новогоднюю ночь в прозрачном платье и этикеткой от банана на лбу.

Наверное, и впрямь, характер у меня неважный, а, может, мне просто потребовалось уединение именно сейчас, и я вообще не обязана сверять свои внутренние ощущения с календарем.

В конце концов, многие поздравили меня, и те, чьих поздравлений ждала, и те, о ком забыла, и еще пришли sms-ки от тех, кого я вспомнить не смогла. Перебирая в телефоне номера, я вдруг остановилась на одном из них, по которому вообще звонила очень редко, но именно сейчас именно эту знакомую, талантливую художницу, мне захотелось поздравить с наступившим Новым годом. Наверное, потому что мой временный дом невольно, а может, и вольно послужил мастерской живописцу.

Среди моих друзей много художников, вообще так назы-

ваемых представителей богемы – слово, которое тускнеет с годами, как старая люстра, которую давно не протирали смесью воды и нашатырного спирта.

Я обещаю себе, что скоро обязательно найду время, чтобы заглянуть наконец в гости к Лене и Владу, тем более, что они настойчиво меня приглашают, а мне все время некогда. Да, время в последнее время как будто уходит в какую-то черную дыру.

Когда произносят «черная дыра», представляют обычно темноту и пустоту, но, как сказала как-то одна знакомая художница-фантаст, может быть, это всего лишь переход в другую галактику или другое какое-то измерение, где все мерцает, переливается иными красками и, возможно, звучит даже музыка. Да, я хотела рассказать вам об Эле.

У меня есть ее деревянная птица счастья-кулон. Я тогда переживала непростые времена, разрыв с моим бывшим мужем. Он подал на развод всего через два месяца после нашей несчастной супружеской жизни, сказав, что больше не может так жить, и сообщил мне об этом в день восьмого марта.

А начиналось все конечно совершенно иначе... До сих пор в моей жизни не случилось ничего столь радикально романтического. Сейчас, конечно, кажется странным, как я могла целый год носить, не снимая, розовые очки, ведь меня нельзя назвать наивной и доверчивой, а некоторые и вовсе считают циничной.

Не смейтесь, его звали Карл. Кораллы он, правда, не крал, но я до сих пор не знаю, откуда он появился. Он говорил на разных языках и жил во многих городах – учился в Лондоне, не помню, на кого, работал в Испании, Греции, Швеции, Франции и почему-то решил обосноваться в нашем городе.

Я умышленно не упоминаю его названия, чтобы ненароком не всколыхнуть того, что все уже почти забыли. Карл обладал удивительной способностью производить сильное, сродни гипнотическому, воздействие на всех женщин, попадавших в радиус его взгляда, – от соседской девчонки, ненароком влюбившейся во взрослого дядю, до заведующей ЗАГСом – достопочтенной замужней женщины, неистово желавшей всем без исключения молодожёнам прожить в любви и согласии до бриллиантовой свадьбы.

Как видите, у моей глупости есть смягчающие обстоятельства...

Чувство собственного достоинства... я всегда отмечаю это качество в людях – есть оно или отсутствует, истинное или показное. Последнее, конечно, не более, чем снобизм. Истинное чувство собственного достоинства не имеет ничего общего с самовозвеличиванием, которое, как известно, является одним из синдромов маниакального синдрома. Я часто вспоминаю Пушкина: «Ты, Моцарт, не достоин сам себя»; и каждый раз удивляюсь, как же это возможно: гений без чувства собственного достоинства?

А ещё когда-то читала о Мерелин Монро «звезда без чувства собственного достоинства» – что-то в этом роде.

Или это исключения из правил, слияние с бесконечностью – быть всем и ничем одновременно? Музыкой, красотой, бесплотностью во плоти?

А заявить себе объявленную ценность – значит поставить пусть даже высокую или просто завышенную – так или иначе, цену. А значит ты уже не бесценность, не абсолют.

Мужчина, любящий дарить цветы, обречен на успех у женщин. Что же говорить о мужчине, составляющем эксклюзивные букеты со вкусом и знанием дела. Да, он был дизайнером цветов, и сам он был холерный и свежий, как бутон орхидеи, который вот-вот распустится...

Он дарил мне корзины орхидей, выкладывал моё имя из роз... С тех пор я не люблю розы, особенно голубые. Их он особенно жаловал. Теперь, конечно, очевидно, что может быть более неестественным и жалким, чем белая роза, напичканная синькой и даже пахнувшая ею? А тогда мне казалось, он срезал их специально для меня в Эдеме, пока с меня не спали розовые очки.

Только не смейтесь, она была продавщицей очков. Нет, слово «продавец»

здесь не совсем корректно. Вероятно, она была менеджером, я даже не знаю, как называется эта профессия – разда-

вать у входа в супермаркет буклеты с рекламой фирмы оптики, обещавшей к тому же бесплатную проверку зрения. Я ни в коем случае не хочу принизить её занятие, тем более, что, вероятно, у неё есть и, может, не одно высшее образование, с которым трудно найти работу по специальности – не исключено, что даже и медицинское.

Дело не в этом, а в самой ситуации – продавец очков помогла мне увидеть правду, замечать которую я упрямо не хотела.

– Да, – думала я, – Карл нравится женщинам всех возрастов и калибров, но сам-то он к чужим юбкам безупречно равнодушен.

Разве можно винить пышный цветок за то, что он источает аромат такой сильный, что на него слетаются все пчелы вокруг? Нет, нельзя...

Да, он был банальным бабником, но когда я пыталась его в этом уличить, он счастливо улыбался и говорил: «Мне нравится твоя ревнивая речь» и принимался подробно объяснять, почему та или иная женщина не может вызывать у него тех чувств, которые вызываю я. Потому что Таня еще совсем ребенок, тщедушный к тому же, Аня, да, формы у нее, соблазнительные, конечно (это даже он не отрицает), но ты посмотри на ее лицо... Лицом она похожа на мужчину, да, конечно, она хороший друг, и отличный менеджер, но нет, не более того. Маня? Да кто вообще такая Маня? Тем более для человека, у которого есть любимая жена. И дальше

в том же духе...

Действительно, после такого разбора полетов из его жизни Аня, Таня и Маня исчезали, но на смену им вскоре появлялись Галя, Аля и Валя...

В конце концов я убедила себя в том (не без помощи Карла, конечно), что сама себе все напридумываю, пока одна из пассий не стала слишком явно заявлять о своем существовании. «Да кто она такая?» – кричал он возмущенно. Я не била посуду, вообще не люблю это дело, а просто в первый раз собрала вещи и ушла к родителям.

Мама сначала расстроилась, а потом сказала, что все к лучшему, и что она сразу меня предупредила, что с этим Карлсоном, как она называла Карла, у нас ничего хорошего не выйдет. Так и получилось.

Но благоверный мой считал иначе. Он уговаривал, скандалил, приезжал за мной на машине и в конце-концов сказал по телефону, что во всем виновата теща, потому что сразу настроила меня против него, и что я, взрослая женщина, должна иметь собственное мнение и немедленно возвращаться туда, где меня любят и ждут. И что лучше всего будет, если мы уедем в другой город (подальше от тещи!) и начнем там все сначала без Тань и Галь...

Мне хотелось верить ему, но лимит доверия закончится, хотя, если бы он не стал винить в наших проблемах маму, возможно, я бы решилась на еще одну отчаянную попытку.

Через час он позвонил снова и сказал, что уезжает в дру-

гой город с другой женщиной. И спрашивает меня в последний раз, не хочу ли я к нему вернуться. Конечно, я ответила «нет».

– Хорошо, – ответил он бодро. – До встречи на небесах!

Может быть, и впрямь, я слишком зависима от мнения мамы, мучили меня сомнения, но их вытеснял образ другой женщины, а потом опять по кругу – внутренний голос, которому я давно уже не верила, малодушно успокаивал, что никакой другой на самом деле нет. Просто фраза, брошенная в сердцах, чтобы сделать больно в ответ на причиненную боль.

Вся эта сложная гамма эмоций звучала в душе полнейшей какофонией.

Не представляя, как ее унять, я поднималась по лестнице эскалатора в развлекательном центре, и уже приближаясь к краю четвертого этажа, поняла, куда я еду. В то самое кафе, где так много цветов и где мы любили бывать с Карлом.

Мне даже показалось на какой-то момент, что я вижу нас со стороны, как будто смотрю кино о собственном потерянном счастье. Но я ошиблась, в главной роли на этот раз была не я, а та самая продавец... жаль, что не розовых, очков, которую я уже упомянула в повествовании.

Я заказала мороженное и села за соседний столик. Продавец очков вскочила и потащила к эскалатору изменника. Он обернулся на прощание. Как ни в чем не бывало, я ела

мороженное. Да, потом были слезы и жалость к себе, но в тот момент мне, правда, хотелось только сливочно-мятной прохлады.

Не скажу, что мне было легко спускаться на землю с небес

В международный женский день шел дождь, но я не замечала его. Навстречу шли мужчины и женщины с тюльпанами и мимозами, а я отчаянно завидовала их тихому счастью.

День стал бы одним из самых ужасных дней в моей жизни, если бы не Эля.

Магазин «Птица Счастья» встал как вызов на моем пути, и я приняла этот вызов. Решительно завернула в полуоткрытую дверь, как будто здесь ждали меня.

Иногда мне кажется, что вся наша жизнь – один огромный магазин, где мы одновременно и продавцы, и покупатели, а самый ходовой товар, конечно, счастье или грубые его подделки – зависит от совести продавца и разума покупателя, ведь даже оценщики и те не всегда отличают его от подделки. Мне повезло. Я знаю, где купить продукты с высоким содержанием счастья, экологически чистые к тому же и сделанные с любовью.

Да. Если бы Эле требовался PR-менеджер, я бы с радостью согласилась им стать.

Людам нужны деревянные птицы счастья, сделанные искусными мастерами-художниками. Нет, конечно, если у вас

нет такой птицы счастья, вам все равно оформят кредит в банке, вас пригласит на свидание Максим из соседнего отдела, а если вы сами и есть этот Максим или Слава (вставить нужное имя), то вам не требуется птица счастья, чтобы Леночка из соседнего отдела согласилась выпить с вами по чашечке кофе в соседнем кафе после работы.

Но. Вы же не станете утверждать, что кредит, чашечка кофе с Максимом или Леной, работа это и есть то самое сверкающее восхитительное счастье, которое так нужно нам всем?

Какое оно, часто мы не знаем сами. Оно одно на всех и у каждого свое, и птицы счастья безошибочно знают к нему дорогу.

Колокольчики дружно звякнули над дверями. Наверное, что-то это означает по фэн-шуй, привлекает любовь и удачу. Да, наверное, так, хотя вряд ли Эля придает какое-то особое значение этим милым звенящим вещичкам.

У этого счастья есть крылья, а в крыльях есть ветер, и оно летит. Летит туда, где порой его уже не ждут.

Птицы счастья в магазине Эли разлетались на подарки только так.

Вид у меня, наверное, был промокший и жалкий, потому что, едва заметив меня, хозяйка магазина ободряюще мне улыбнулась и протянула на ладони птицу счастья.

Именно так я представляла себе птицу счастья – белую, похожую на голубку, но с огромными сильными крыльями.

Я тоже улыбнулась – Эле и птице счастья одновременно – и потянулась за кошельком.

– Сколько?

– Что сколько? – не сразу поняла Эля. – Нисколько! Это – подарок. Она принесет тебе счастье. Обязательно. Вот увидишь.

По лицу Эли было видно, что она, действительно, желает мне этого – сильно и искренне, хотя в сущности мы не были даже близкими знакомыми – просто встречались время от времени на каких-то мероприятиях.

С тех пор птица счастья всегда со мной в сумочке, так некоторые носят в ней с собой каштан на счастье.

Я знала об Эле совсем немного – только то, что она художница, очень талантливая художница, и мастерица. Ее муж делает из дерева птиц счастья, а Эля расписывает их. Они идеальная не только супружеская, но и творческая пара. Пожалуй, это и все.

Птица счастья довольно скоро принесла мне удачу – вскоре у меня вышла первая книга, и первый авторский экземпляр я подписала – да, Эле, а она пригласила меня в гости.

Бывать в домах художников – совершенно особое удовольствие. Экскурсия в другое измерение, можно сказать, где каждая вещь обретает особый смысл.

Но дом Эли и Леонида особенный даже для дома художников. Само определение «дом» даже не слишком подходит ему.

Если бы меня попросили нарисовать дом моей мечты, я бы изобразила в точности такой, как у Эли – из красного кирпича, похожий на терем. В нем очень уютно было бы семи гномам.

Скорее, его уместнее было бы назвать замок искусств. Снаружи он очень похож на замок, но не огромный, где правят бал приведения, а маленький, уютный, где живут любовь и радость, и это видно невооруженным взглядом, и дело во-все не в семейных фотографиях в веселеньких фоторамочках.

– Проходи... Нет-нет, не разувайся, – от улыбки круглое лицо Эли так и засияло и стало похожим на солнышко, каким его рисуют на детских открытках – с полукруглыми глазами и широкой улыбкой. Даже ее чуть взлохмаченные (художественный беспорядок на голове) русые волосы хочется заплести в мелкие косички, и каждую дополнить маленьким ярким бантиком – будет настоящее мультяшное солнышко.

Такие, как Эля, впускают в дом и душу без стука и даже в обуви, совершенно не заботясь о том, что у кого-то грязные ботинки или намерения, и следы потом придется оттирать. Я бы назвала таких людей слишком добрыми и открытыми для этого мира, но без них он давно бы пропал.

Полное отсутствие фальши и каких бы то ни было задних

мыслей многими распознаются как некая аномалия, странность, или же на всякий случай к такому человеку приклеивают ярлык «себе на уме», потому что поверить вполне человеку с сердцем, полным благородства, бескорыстия, довольно сложно.

Да, мои мысли скакнули от мультяшного образа до высоких материй, пока, сняв вопреки протестам Эли ботинки, я проследовала за ней на кухню.

Она была похожа на бар, где собираются друзья и просто хорошие знакомые.

Плетеные стулья и прозрачный столик в углу молчаливо приглашали к приятной беседе за чашечкой кофе, который уже варила заботливая хозяйка.

Я не большая поклонница кофе, но в трудные минуты моей жизни он выручает меня неожиданно, словно джин.

Обычно я литрами пью несладкий зеленый чай.

Но в тот момент, когда в моих мыслях возникают струйки кофейного пара, кто-то, неслучайно оказавшийся рядом, берет на себя роль доброго волшебника и спрашивает: «Будешь кофе?»

Да, вы уже догадались, какой вопрос задала мне Эля и как я на него ответила.

Удивительно, но в доме было немного картин. Впрочем, правило «сапожник без сапог» никто не отменял. У хорошего художника картины живут не взаперти, хотя, справед-

ливости ради надо сказать, что истинный талант могут признать и после смерти, когда самому какому-нибудь Ван Гогу уже совершенно безразлично, за сколько там миллионов долларов ушли на аукционе его «Подсолнухи».

Мне нравятся подсолнухи. И если бы у меня был домик в деревне, я посадила бы много подсолнухов. Разных. Декоративных и с вкусными семечками. Они бы росли вдоль плетня и радовали меня и соседей и всех, кто случайно заехал бы в нашу деревню.

Люди останавливались бы возле нашего дома и удивлялись: «надо же какой плетень, как в старину, и сколько подсолнухов! Даже на подоконнике. Не знал, что декоративные подсолнухи – это так красиво».

Декоративные подсолнухи я люблю даже больше, чем розы. Вернее, розы я люблю только живые, и желательно, когда их целый огромный розарий.

Да! У меня был бы великолепный розарий...

На мысли о розах меня навела картина в позолоченной, довольно громоздкой раме.

Бутонов роз на холсте даже не было видно, их дорисовывала фантазия. Только листья и огромные шипы. И стебли, как стволы экзотических каких-то деревьев.

Среди них пробирались три девушки, похожих и не похожих друг на друга.

– Твоя картина?

– Нет, это картина Жанны, нашей старшей сестры. Жаль,

она забросила живопись, стала серьезной бизнес-леди. Помнишь магазин «Виолетта»?

Я кивнула.

Такие магазины я обхожу стороной. Они, как правило, слишком помпезны. Несколько секунд, и ты сама не замечаешь, как вещи захватывают тебя в плен, и уже не ты выбираешь что-то из одежды, а платья выбирают тебя.

Неплохой бы получился слоган.

Одна из барышень, показалось мне, похожа на саму Элю. Только стройнее, моложе.

– Да, это я, – озорная улыбка сделала художницу еще больше похожей на себя саму в юности. – А это мои сестры – Жанна и Мила. Мы в детстве так всегда и ходили вместе, неразлучные сестрицы.

Взгляд Эли стал мечтательным, а улыбка немного грустной.

На столе из чашек поднимались к потолку кофейные джины. Я вдруг подумала о том, что хочу написать картину и назову ее «Кофейный джин».

В школе мне часто говорили, что я хорошо рисую, а в университете я была из тех, к кому обращались, когда нужно было сделать стенгазету, даже ставили за это зачеты автоматом по какому-нибудь второстепенному предмету.

Кофе Эля варила отменный, но все-таки мне было интересно, есть ли в доме художницы хоть одна ее собственноручно написанная картина.

– Есть, одна, – не сразу ответила Эля, как если бы речь зашла о чем-то сокровенном.

Я выразила нетерпение увидеть творение.

Эля вздохнула и предложила продолжить кофепитие в зале.

Там, на стене напротив дивана, и висела картина Эли. До-

вольно простая и вместе с тем завораживающая картина. Как-кая-то дверь.

За этой дверью прятались и страхи, и надежды, и ответы на какие-то самые важные вопросы.

Мне показалось, я где-то видела ее, может быть, даже была за этой полукруглой деревянной дверью, за которой жили...

«Гномы!» – едва не вскрикнула я, рискуя показаться сумасшедшей, но вместо этого только благоразумно спросила, точнее, мой вопрос звучал как простое повествование, так, мысли, вслух...

– Да... Необычная картина. Как будто дверь в стене. Так и хочется войти в нее и узнать, что находится за ней.

Эля не заметила подвоха, а улыбнулась странной блуждающей улыбкой.

– Там... часто идут дожди.

К гномам это не имело ни малейшего отношения, поэтому мое предположение о том, что Эля тоже знает о двери, преследовавшей меня во сне, было, конечно, абсурдным.

– Писала с натуры? – уточнила я на всякий случай.

– Нет, – ответила Эля. – Заказ одной знакомой... – по взгляду художницы было понятно, что ей будет жаль расставаться с картиной, которая так прочно обосновалась на гвозде, что, казалось, вовсе не собиралась переезжать ни в какой другой дом.

А потом Эля надолго куда-то исчезла из поля моего зре-

ния, а этим летом я снова встретила ее и не сразу узнала.

Нет, внешне она почти не изменилась, только похудела. И все же я не сразу узнала ее, когда она окликнула меня на Фестивале блинов. Эля продавала жар-птиц и свои написанные маслом картины.

Вообще-то я равнодушна к блинам, но само название Фестиваль блинов вытасило меня в тот залитый солнцем день из дома в городской старинный парк, где врасплох заставали звуки электрической скрипки. Красавица с распущенными темными волосами, казалось, была со смычком единым целым. Те же, кто приходил на фестиваль не со стороны центральных улиц, по мосту, тропинками, по обе стороны поросшими ромашками, попадал прямиком в это царство книг, где гостей встречали девушки в старинных сарафанах и домовенок Кузя.

Лодки покачивались на привязи у берега, приглашая в дальнее плаванье с убедительностью прощерлыги-ловеласа, сулящего доверчивой красотке с неба звезды и золотые горы впридачу.

Конкурсанты в белых фартуках ловко подбрасывали блинчики на сковородках и относили свои кулинарные творения на блюдцах восседавшему чуть поодаль жюри.

Детишки с разукрашенными аквагримерами лицами обступили мастеров.

Самая большая девчачья компания собралась вокруг моей давней знакомой художницы Розы.

Они учила детей расписывать матрешек.

– Я назову свою Огнецвета.

– А я свою... Дариэл, – объявили девчущки.

– Отличные имена, – похвалила Роза, – но надо еще много-много имен. Не забывайте, что внутри них может влезть сколько угодно матрешек.

– Сколько? – вскинула любопытные глаза девочка с кошачьими усами и носиком.

– Даже представить невозможно, – развела руками Роза, – очень, очень, очень много, бесконечно много, но они были бы такие маленькие, что их невозможно было бы рассмотреть даже в микроскоп.

– В Огнецвету поместится миллион матрешек, – сделала вывод девочка с ромашкой на щеке.

– А в Дариэл – миллиард и даже еще больше.

– Сколько угодно матрешек поместится в любую из них, согласилась Роза и улыбнулась сразу обеим девочкам.

Мы договорились с Розой как-нибудь созвониться и где-нибудь посидеть поболтать, но так и не встретились до сих пор.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия», – уведомил меня автоответчик, и, вздохнув, я отправилась спать.

У меня появился дружище-кот. Конечно, у меня есть и другие поклонники мужского пола, но кот, признаться, мне нравится больше. Он отчаян и смел, а слышали бы вы, как он кричит мне «мяу», когда видит меня идущей из магазина, рассказывает что-то на кошачьем своем языке.

Он не любит, когда я возвращаюсь с цветами и поздно.

В знак протеста может исчезнуть на неделю, а потом, как нежданная радость, вдруг мелькнет во дворе его полосатый хвост.

Бесцеремонно и изящно, как вошел в мою жизнь, кот ступает по квартире Лисички к холодильнику, нетерпеливо ждет, когда я ему что-нибудь дам и, погревшись немного, уходит обратно по каким-то своим кошачьим делам. Будет голоден – снова вернется ко мне. Лисичка сказала, он увидел во мне доброту. Этикетка от банана все же сделала свое дело.

Наконец, я добралась до длинного списка Лисички. В этом перечне немало хлама, и стульев, явно, больше, чем в ее квартире. Их здесь ровно четыре плюс один разлапистый в несвежей обивке, который сильно мне мешал, даже заброшенный на антрисоли, как некая гигантская пиявка, от которой надо беречь свою кровь. От этого пятого я благополучно избавилась и даже не просила об этом Лисичку. Каким-то образом она догадалась сама, и ее сын приехал на машине и увез огромную пиявку, то есть стул. Мне сразу стало легче дышать.

Удивительно, но в перечне Лисички не было картин – единственной, пожалуй, ценности в этом замкнутом пространстве. Во всяком случае, я бы, если б была воров, больше ничего и даром не взяла, даже не совсем еще старый телевизор «Витязь».

Солонки – три, но их всего лишь две. Может, сахарница имеется в виду (ее тоже нет в длинном списке)? Недостающее, то что я не нашла и чем не пользовалась, Лисичка сказала искать на антресолях. И я клею на лоб этикетку от очередного банана и встаю на один из четырех стульев.

Там в дальнем углу и впрямь есть что-то кроме елки и гирлянд, но чтобы достать это что-то, на табурет нужно поставить еще один.

Какая-то старая кастрюля и что-то еще – явно не солонка. Я едва не падаю с обоих стульев, но чудом сохраняю равновесие.

Сломанный будильник.

Он кажется мне живым существом, а перечень Лисички вдруг обретает шарм детективного романа. Несколько раз прочитываю его от начала до конца – будильника среди всех этих подставок и губок тоже нет.

20.02 Стрелки выбрали этот отрезок времени конечным пунктом своего назначения. Вспоминаю некстати чью-то фразу о том, что даже остановившиеся часы два раза в день показывают правильное время. Почему-то я знаю: на циферблате не утро, а вечер.

Перевожу взгляд на запястье. 20.02 на моих наручных часах.

– Что это? – спрашиваю вслух будильник по привычке разговаривать с котом.

Вслушиваюсь в тишину. Время остановилось в моих руках.

Часовщики – немного волшебники, я же просто завожу часовой механизм советских времен «Победа».

– Твое время... – слышится откуда-то голос нет, не Лисички.

– Время для чего?

– Жить в этом доме.

– Кто ты? – мне немного страшно.

– Не бойся. Я просто изгнанник, такой же изгнанник, как и ты.

Мне, наверное, стоило бы что-то придумать, какой-то художественный прием. Например, Саша мог бы мне присниться, и сказать эти же самые слова во сне, но я, правда, не знаю, откуда они пришли, так явно звучавшие в моей голове, как будто тиканье часов – какой-то язык, который где-то учила когда-то, но потом почему-то забыла, сменила дом, страну, планету, выучила новый язык. И вдруг какая-то ассоциация одним штрихом создает целую картину, и я снова владею языком времени и понимаю, что только на время. Картина снова разлетается на штрихи, и я спешу выяснить что-то важное.

– А где ты сейчас?

– Изгнание окончилось, и я снова здесь.

– Где?

– Где однажды будешь ты.

– Скажи мне... – (картина начинает рассыпаться). – Что самое важное? Здесь, на земле.

– Все написано на двери, – голос и краски теряются в смехе.

Правила Лисички просты. В золоченой рамочке из фольги красуются на обшарпанной двери. Каждый квартирант обещает ее обновить, но все благополучно забывают об этом.

– Подмести и вымыть пол

- Вынести мусор
- Проверить, закрыты ли краны
- Вынуть из ящика почту
- Вытереть на подоконнике пыль. Протереть зеркала и стекла окон.

- Выключить газ
- Перекреститься, прежде, чем выйти из дома

И приписка

Ваша Лисичко Вера Сергеевна

Так просто, что хочется взяться за веник, стоящий в углу, хотя я сторонница творческого беспорядка во всем. Интересно, художник тоже соблюдал все правила Лисички? Или они появились после него, а может, и благодаря ему, потому что он, как и я, тоже был ярим приверженцем творческого беспорядка?

Под Рождество позвонила мама, сказала, что я никудышная тетья и крестная, на племянников мне наплевать и вообще живу непонятно где и как и не собираюсь становиться человеком.

Послышалась какая-то возня и голос старшей, Алисы.

– Привет! Хочешь, расскажу тебе что-то очень интересное? – она сделала акцент на слове «очень». Катька родила двоих козлят. Они такие хорошенькие... Ты приедешь к нам на Рождество?

Кажется, я, действительно, никудышная тетья и крестная.

Племянники растут невероятно быстро, или я, и правда, слишком редко приезжаю, и с каждым разом их все больше и больше, и больше. Уже пятеро -Алиса, Никита, Максимка, Берт и совсем еще кнопка Ландыш.

Никиту и Максима назвали в честь прадедов, остальных – в честь каких-то сказочных героев, один из них, по-моему, енот, в смысле, один из героев.

В доме, где живет наша разросшаяся семья, всегда шумно, но уютно.

К слову «уют» мне часто хочется добавить приставку «арт», потому что она все равно подразумевается. Уют это то, что создано со вкусом и любовью, а значит, творчество в лучшем его проявлении.

А зимой уют, на мой взгляд, совершенно немислим без снеговиков с носом-морковкой и улыбкой до ушей. Поэтому первое, что мы сделали с Алисой, это слепили возле дома двух снеговиков, надели им на головы старые ведра.

Погода к нам благоволила. Снег так и лип к рукам, как тесто.

Мама испекла огромный яблочный пирог.

Потом мы с Алисой сшили лису из старой маминой шапки.

– Вот бы каждый день был таким, как этот, правда? – спросила крестница, а мне захотелось вдруг взять краски, кисти и мольберт и выйти в темноту – запечатлеть на холсте, как выглядит домашний уют. К нему ведет заснеженная дорога из темноты, и в этой зимней холодной ночи горят гостеприимством большие окна небольшого дома. Жаль, я не художник.

Нет, я вовсе не собиралась писать мемуары, и все же не могу не рассказать о лете в деревне у бабушки.

Моим любимым местом в ее старом деревянном доме был, конечно, чердак, где прятались от лета новогодние игрушки.

Мне нравилось их перебирать и читать вместе с ними потрепанные книги. В доме было много книг. Богатую библиотеку и свои картины оставил мой дедушка писатель и художник. Он ушел из жизни, когда мне было три года, и я в своем тогдашнем детском эгоизме не могла осознать, как могут умирать те, кто нас любит. Уже намного позже я поняла, что может умереть человек, но не любовь. Если она настоящая, она остается с нами навечно. А тогда меня мучали совсем уж меркантильные мысли: если дедушка умер, то кто, как не он, научит меня теперь писать книги и рисовать? Как же я стану писательницей без него?

Хотя по-настоящему чем я хочу заниматься в этой жизни, я поняла только года через два, когда нашла на чердаке у бабушки Корнея Чуковского. Меня поразило тогда, что рисунки, сделанные художником, разительно отличались от тех солнышек, мишек и радуг, которые старательно малевала я в альбом для рисования, куда записывала и свои сказки о каком-то там медведе, уже не помню, как его зовут. Наверное,

просто медведь. И еще про наши с бабушкой приключения, а их в деревне было немало. Одно только купание на ракушечном острове посреди речки-Усолки чего стоило! А когда потерялась корова, и мы искали ее и еле вытащили ее за хвост из болота! Точнее, тащила ее бабушка, а я подбадривала ее и рогатую Милку словами. В общем, мне казалось, у меня выходила самая настоящая книга – увлекательная и интересная, с яркими иллюстрациями, но Чуковский открыл мне истинное положение дел, и я решила, что все дело было в каких-то особенных красках. Не зря же в книжке они гладкие и сочные, как спелые фрукты – не то что в моем альбоме.

Я попросила бабушку купить мне краски, как у настоящего художника. Мы вместе пошли в магазин и выбрали и краски, и карандаши, и еще фломастеры.

Всем вместе я нарисовала, как мы с бабушкой вытаскивали Милку и как удивляется приехавшая из города соседка, увидев, как ее дочь, очень умная девочка в очках, плещется вместе с нами у ракушечного острова.

Девочка выглядела такой счастливой, что ее мама только всплеснула руками «Котенок мой!» и вынесла ей из дома панамку.

Пожалуй, только панамка и получилась более-менее похожей из всего, что я пыталась изобразить.

А мне пришлось признать: дело не в красках. Горечь осознания скрашивал новый маленький блокнот и ручка с тем-

ным стержнем. Так приятно было забираться вместе с ними на огромный пень и представлять, что это машина или автобус, и я еду на нем куда-то для того, чтобы записывать что-то очень, очень интересное. Настолько интересное, что все будут читать это даже без картинок, как я сама недавно прочитала «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» в хрестоматии для внеклассного чтения.

Кажется, краски обиделись на меня, что я так легко сда-лась. Время от времени мне приоткрывался так заворажи-вавший меня мир, где из каких-то линий и пятен рождались миры.

Как-то в студенческие годы один мой друг, будущий ху-дожник, даже уговорил меня поработать натурщицей у них на худграфе.

Оказывается, натурщиком может стать практически лю-бой. Одни люди более графичны. Другие – более живопис-ны.

...На подиуме Настя – девушка с выразительным лицом, напоминающая античную Нику. Полуобнаженная. Но, похо-же, молодых людей это совершенно не волнует. Вооружен-ные карандашами и окрыленные вдохновением, они обеспо-коены тем, чтобы правильно передать пропорции натурщи-цы. Настя позирует для рисунка.

Следующая пара – живопись. Общими усилиями меня на-рядили в этакую романтическую цыганочку, посадили в кра-сивой позе на фоне романтично-размытой драпировки.

Взгляд художника – как взгляд врача. Позируя для полу-обнаженной натуры, не чувствую себя раздетой. Вот толь-ко нелегко долго сидеть в одной позе. Зато когда холст ожи-вает под кистью художника... На одних работах цыганка...

На других – русалочка... Вот знойная женщина из песка...
А здесь – томная барышня, словно вылепленная из теста...
И это все – я?

Одна картина мне особенно понравилась. Она была... описать картину словами все равно, что изобразить на плоскости поэму. Возможно, получится тоже прекрасно, но все же это нечто совершенно иное.

Да, эта картина была особенно хороша.

Я казалась на ней похожей одновременно на цыганочку и на нимфу.

Не знаю, каким образом художнице удалось добиться такого изумительного небесно-речного оттенка. Да, пожалуй, больше всего я походила на картине на русалку.

В реальности сине-зеленая накидка служила мне неким подобием шлейфа.

Студенты писали полуобнаженку, а их преподаватель обещал заплатить мне как за обнаженную натуру целиком и сдержал обещание, что стало предметом раздора между кафедрой и штатной натурщицей – тридцатилетней длинноволосой в меру полной особой с пикантными веснушками.

Позже студентки мне рассказывали, что она требовала прибавки к гонорарам, размахивая зонтиком-тростью, и даже грозила увольнением, но потом успокоилась.

Да, та картина...

Я хотела было купить русалочку. Что-то завораживающее

было в картине. На ней была я и в то же время не я – мой прекрасный двойник.

Я даже договорилась уже с художницей о цене, которая нас обеих устраивала, как дело испортила ее подружка.

– Смотри, вот здесь, – подошла со спины, – здесь надо порезче, – показала на тот изгиб, на котором, я была рада, художница изначально не стала акцентировать внимание и, надо признать, именно этим легким несходством прежде всего мне и импонировал портрет и вовсе даже не глубиной творческого замысла и не цветовой палитрой, о которой я говорила выше.

Художница кивнула и добавила мазок.

Всего один лишь мазок, но картина в моих глазах была безнадежно испорчена. Такую русалочку, слишком похожую на оригинал, я не хотела видеть у себя дома.

Так неприятие себя помешало мне обзавестись шедевром.

Много интересных событий в жизни иногда начинаются с телефонного звонка от незнакомого человека.

Сначала вы спрашиваете незнакомого человека, откуда он, собственно говоря, узнал ваш телефон. Потом... нет, я, конечно, не имею в виду те случаи, когда менеджеры обзванивают потенциальных клиентов. Здесь все более или менее понятно. Потом незнакомый голос обычно сообщает что-то необычное, и это ни что иное как завуалированное приглашение стать частью какой-то истории.

– Извините, – неуверенно начал женский голос, смутно показавшийся мне знакомым. – Я сестра Эли Радченко. Меня зовут Жанна. Ваш телефон... визитку... я нашла в вашей книге. Пару лет назад Эля дала мне почитать вашу книгу, и я так до сих пор ее и не вернула.

Начало разговора заставило меня улыбнуться.

«Жаль, она забросила живопись, стала серьезной бизнес-леди, – вспомнились мне слова Эли. – Ты помнишь магазин „Виолетта“?»

– Наверное, книга вам понравилась, раз до сих пор не вернули, – резонно предположила я.

– Нет. Дело не в этом... – Жанна явно не отличалась особой тактичностью, – а в том, что на обложке записан ваш телефон, и Эля говорила так много хорошего о вас, что я по-

думала, может быть, хотя бы вы сможете нам помочь.

Я не стала акцентировать внимание на уничижительном «хотя бы», хотя, пожалуй, и следовало бы сделать это, но все-таки важнее было помочь Эле, а не преподать урок вежливости ее сестрице, которая, по слухам, не отличалась особой воспитанностью.

– Случилось... – звонившая громко набрала в легкие побольше воздуха и также громко выдохнула. – Эля... Мы в таком ужасе... Она попала в рабство. Ее держат взаперти в каком-то подвале, и она давно не отвечает на наши звонки... Ее как будто зазомбировали. Мы не узнаем свою сестру.

– В какое рабство? – остановила я монолог Жанны. – Кто и где держит Элю взаперти?

– Я не знаю, но она несколько раз говорила о какой-то двери, в которую можно войти, но нельзя выйти.

– Двери?

Некстати, а может быть, кстати, я вспомнила дверь на картине в доме Эли.

– У нее в доме была картина... На ней была дверь...

– Да при чем здесь картина? – прервала меня Жанна. – Эля попала в рабство, а вы о какой-то картине.

– Да о каком рабстве вы говорите?!

– Да, трудно представить, что в нашем двадцать первом веке такое возможно, но, поверьте, это именно так. В этом замешана какая-то секта, а управляет ей мошенница Ветрова. Да-да, та самая чиновница из администрации, а на са-

мом деле она черный риелтор, нет на нее управы. Куда только не обращались. Я, уж поверьте, и до президента дойду, если надо. У меня и все документы есть. Давайте встретимся с вами, я их все вам покажу.

– А в полиции вы их показывали?

– А то! Говорю же, куда только не обращались. Мы уже не знаем, к кому обращаться. В полицию, прокуратуру – все бесполезно, газеты, телевидение – никто не хочет связываться с Ветровой. Вся надежда на вас. Больше у нас не осталось никаких контактов друзей Эли. Она порвала со всеми.

Эля без друзей – такое и представить было невозможно, так что я на всякий случай даже уточнила та ли сестра и той ли Эли Радченко мне звонит.

– «Виолетта» – это ведь ваш салон?

– Да. Был мой, но уже полгода как его нет. Так вот Эля порвала с родными, друзьями, дети полуголодные и все время повторяет, что мы все в неоплатном долгу перед Ветровой, молиться на нее должны. Вы представляете?

– Не представляю, – никак не укладывалась в голове подобная информация. – Эля... Она же такая общительная. Я видела ее полгода назад, летом, и она не показалась мне похожей на сектантку. Такая же улыбчивая, как всегда, в окружении своих учеников и других детей, которые пришли на праздник. Или тогда она еще не была в секте?

– Была, – с голосе звонившей уже явно сквозило отчаяние, – это продолжается уже несколько лет, но когда она

с детьми, она прежняя, солнышко, как ее мама называла. Младшая, самая любимая из трех сестер. Эля-Солнышко. И Эля ее обожала. «Мамусик, говорила, – это всё». А теперь такими словами на нас, каких мы от нее никогда не слышали даже, а недавно говорит, не лезьте не в свое дело, знать вас больше не хочу.

Бывшая владелица «Виолетты» всхлипнула.

– Давайте встретимся, когда и где вам удобно, и я вам все расскажу, покажу документы, – повторила она.

– А чем я могу вам помочь? – недоумевала я.

– Вы не могли бы встретиться с Элей, поговорить с ней, узнать, что происходит? – осторожно, как будто шла босиком по битому стеклу, попросила женщина. – Но пока ей не звоните. Понимаете, самое ужасное, что она не считает себя жертвой, думает, что все делает правильно, отписала Ветровой дом.

– А где же она сама сейчас живет?

– Не знаю. Какое-то временное жилье, снимает где-то комнату, но нас туда ни под каким предлогом не пускает. Может быть, вас пригласит в свой дом изгнанников?..

Женщина вздохнула.

– Давайте встретимся и подумаем вместе, как помочь Эле... Пожалуйста... —

голос бизнес-вумен стал жалобным и каким-то тонким, как у обиженной девочки.

Конечно, я могла бы сказать, что уже два месяца веду за-

творнический образ жизни и, по сути, живу на границе миров, причем, реальный меня интересует, похоже, меньше, чем тот, в котором я встречаюсь с Сашей.

Но я не стала этого говорить. Мне показалось вдруг, что, действительно, именно я и смогу, возможно, помочь Эле.

Я это именно почувствовала, как будто меня коснулась крылом какая-то невидимая птица, и почему-то я точно знаю, она прилетела от Эли.

С Жанной мы договорились встретиться в столовой при институте менеджмента, где сестра Эли читала какие-то лекции.

Столовая служила одновременно выставочным залом.

Я совсем немного опоздала. Жанна по всей видимости отличалась большей пунктуальностью, потому что она уже всю рассматривала картины и так увлеклась, что не заметила, как я подошла сзади.

– Здравствуйте, вы, наверное, Жанна, – обратилась я к единственной на тот момент посетительнице выставки-столовой – пышнотелой женщине в элегантном черном платье в мелкий ярко-розовый горох, дополненном фактурными, тоже ярко-розовыми, текстильными бусами.

Черные волосы, чуть тронутые сединой. Властный и немного беспокойный взгляд небольших карих глаз, слегка поджатые губы. Нос в точности, как у Оли – небольшой, чуть вздернутый, как-то даже контрастировал со строгим выражением лица и отчасти смягчал его.

– Да... Какая интересная картина, – задумчиво бросила женщина таким тоном, как начинают светскую беседу.

На мой взгляд, картина, заинтересовавшая Жанну, была совершенно обычной. Раскрытый блокнот и белая роза на нем. Сзади кринка с молоком.

Я только пожала плечами.

– Ведь кринка непрозрачная, но совершенно точно откуда-то знаешь, что в ней молоко, парное, почти что полный кувшин...

– И правда, молоко, – удивилась я и искусствоведческой проницательности Жанны, и столь ненавязчиво яркому таланту художника.

– Каждый, кто хоть раз взял в руки кисть, – продолжала бизнес-леди, – уже старается выпендриться, как ребенок, когда только научится кувыряться вперед и назад. «Смотрите, я и так могу, и этак» и подпрыгнет еще на одной ножке. Но за всем этим ничего на самом деле нет – так, одни кривляния, а не искусство, а попробуй так напиши глиняный кувшин, чтобы сразу было каждому ясно, что в нем – молоко.

– Да, – пришлось мне согласиться.

– Интересно, кто художник? – близоруко прищурилась Жанна. – Подпись неразборчиво. Светлана Т. какая-то, но что-то знакомый стиль, где-то я видела ее картины... Ладно, может быть, вспомню когда-то...

Жанна деловито прошла к прилавку. И вернулась с двумя чашками чая.

Пирожные уже ждали на столике у окна, где предложила расположиться Жанна.

Я не возражала. Она умиротворенно улыбнулась, нахмурилась и снова, выдохнув воздух, улыбнулась. Со стороны это выглядело немного забавно, как будто актриса в театре

одного актера готовилась к выходу на сцену.

Отчасти так оно и было. По всей видимости, Жанна относилась к демонстративному типу людей, которому необходимы зрители и внимание.

– Наверное, вы немного уже в курсе нашей семейной истории, раз знакомы с Элей... – негромко начала Жанна, как будто опасаясь, что нас могли подслушать.

– Кое-что знаю, совсем немного, – честно ответила я.

– Что же, например? – во взгляде Жанны заметалось любопытство, и в этом беспокойстве было что-то неприятное.

– Например, то, что вы мечтали стать художницей, а занялись бизнесом.

Не знаю, может быть, в моем взгляде или голосе Жанна усмотрела жалость или осуждение, во всяком случае, она вдруг принялась оправдываться:

– На рынок я пошла не от хорошей жизни, – вздохнула она. – Хотя в роду у нас и были купцы. Ездить в другие города за товаром, продать так, чтобы и самому прибыль, и покупатель остался доволен – это от купцов пошло. Мы купцы. Но они в отличие от нас, современных купцов, челноков, были в чести и уважении.

Знаете, что такое «челнок»?

– Лодка, – пожала я плечами. – В швейной машинке еще челнок есть.

– Вот-вот, – покачала головой Жанна. – В швейной машинке. И в ткацком станке такая штукавина имеется. Так же

и мы, как те челноки, мотаемся туда-сюда, – и не без некой гордости Жанна добавила, – целый класс сложился, целая эпоха страны – челночество. Нас когда-то, в начале девяностых, спекулянтами называли. Государственные предприятия скопом переходили тогда в частные руки, кто-то на этой волне оказался за бортом. На дно или в свободный полет – каждый волен выбирать сам. А кто-то, как я и мой муж, просто увидели новые возможности в челночестве, когда поднялся железный занавес. Муж, как и я, челнок. Знаете, по образованию я художник – колледж, потом вуз, но, получается, государство учило меня девять лет для того, чтобы я работала в совершенно другой сфере. Да, челночество для меня, можно сказать, призвание.

Мы были первыми ласточками, которые успели наладить постоянные партнерские отношения с зарубежными производителями, договориться о скидках.

Как-то в Грецию мы с Элей поехали вместе. Но для меня Греция это шмотки, для Эли... – ... – пейзажи, все эти Афродиты, нет, они, конечно, тоже нужны, я не спорю, но Эле лезть в бизнес не стоило, точно. В Греции я это окончательно поняла. Ничего хорошего обычно не выходит, когда человек, рожденный для чего-то высокого, для творчества, начинает заниматься вдруг торговлей. Грязная это, скажу я вам, работа, обнажает все пороки человеческого сердца. На рынке, как в джунглях, выживает сильнейший.

– И процветает тоже.

– Прцветание это довольно относительное, за все те двадцать лет, что я проработала на рынке, ни один из нас не выстроил шикарный особняк, не меняет джипы. В лучшем случае удастся накопить на квартирку. Когда мы с мужем только начинали, первые пять лет не могли позволить себе купить новые кроссовки или новые джинсы. На морозе стояли, тяжести таскали. Кучу болезней нажили. Но болеть «челноку» можно только за свой счет. К тому же, выпасть надолго из обоймы, тем более, если еще не имеешь твердой почвы под ногами – значит лишиться лицензии. Поэтому только после десяти лет работы на рынке я смогла позволить себе родить ребенка, но уже через три месяца снова вернулась на рынок.

– Виолетту? Это ведь в честь нее вы назвали свой магазин?

– Да, – мечтательно улыбнулась Жанна. – Виолетточка. Моя радость, моя гордость. Хорошо, в свое время государство дало нам хотя бы голую площадь, где мы отстроили три торговых павильона. Но опять-таки, когда они появились, и арендную плату, соответственно, подняли в десять раз. Хотя другой жизни кроме челночной я себе уже не представла. На рынке остаются только самые шустрые, кто успеваает вовремя взять кредит, снять дополнительную площадь и, конечно, умеет найти общий язык с покупателем. Все бы ничего, если бы не такие, как Ветрова. Вот они-то и процветают... До чего же неприятная дама, – поморщилась Жанна. – У нее же на лице написано «проходимка и мошенни-

ца», не надо быть физиономистом, чтобы сразу ее раскусить. Как она могла войти в доверие к Эле, с ее тонкой душой, интуицией? Не представляю. Она же сразу видит, кто есть кто. А эта Ветрова... Она частенько навевалась к нам с проверками, когда мы открыли «Виолетту». Недвусмысленно намекала, что неплохо бы приборахлиться, и уходила каждый раз с огромными сумками. Сидит на ней все, конечно, как на корове седло, но какие вещи, какого качества!

Мне часто говорят, что я необыкновенно интересная собеседница. На самом деле я просто умею внимательно слушать, особенно когда вижу в рассказываемой кем-то истории потенциальный сюжет для новой книги.

Нет, дальнейшая судьба Эли меня, конечно же, тоже волновала и даже очень, не такая уж я законченная писательница, но... даже не знаю, что сказать в свое оправдание...

Как бы то ни было, люди, иногда и совсем не знакомые, порой обнажают передо мной душу, даже если не собирались этого делать. Я внушаю людям доверие, из меня получился бы хороший следователь. При этом я мало рассказываю другим о себе, я достаточно скрытна, хотя и произвожу впечатление весьма открытого человека.

По-настоящему откровенна я, наверное, только с бумагой, потому что всегда есть возможность сказать, что мои чувства это вовсе не мои чувства, а той книжной героини, которая хоть, действительно, во многом похожа на меня, но все же

не я, и вообще в моей жизни ничего подобного не происходило, а если и происходило, то все равно роман-то не документальный, а художественный.

Соотношение правды и художественного вымысла – как пропорции основных продуктов в рецепте от шеф-повара, и что там еще – знает только он сам.

– Таких, как она, – продолжала Жанна, – вообще не стоит пускать на порог, не то что строить с ними какие-то отношения. Она ненормальная, состоит в какой-то секте, а теперь и Эля в нее попала, отписала Ветровой дом, и теперь в нем проходят какие-то сектантские собрания. Она моя знакомая к ним ходит и тоже хотела даже подарить им свой дом, но родственники ее спохватилась, переписала все на себя. Она и меня звала зайти к ним как-нибудь. Они собираются в основном по воскресеньям. Но я ей сказала: «Это же дом моей сестры». Больше она меня не приглашала.

– Но вы могли бы ей сказать, что передумали.

– Да, – поняла, куда я клоню, Жанна.

Вечером она перезвонила и долго рассказывала, как выжила у знакомой, что собираются они ближе к одиннадцати утра.

– Она, конечно, что-то заподозрила, но потом сказала, что после того, как я погружусь, пусть даже ненадолго, в жизнь их, как она говорит, духовной семьи, я стану другой и изменю свой взгляд на многие вещи. Наверное, надеется зама-

нить меня в секту.

– Вы сказали, что придете со знакомой?

– Да. Она сказала «очень хорошо». Спросила, давно ли мы знакомы. Я ответила «давно». Так что, чтобы она ничего не заподозрила, давайте будем при ней на «ты». Не возражаете?

Как-то незаметно мы с Жанной перешли на «ты» не только при общей знакомой.

Переделка, в которую попала Эля, отвлекла меня немного от навязчивых мыслей о Саше. Отчасти нас сблизило сходство Жанны с младшей сестрой, отчасти то, что старшая хоть и не обладала чуткостью младшей, но была человеком компанейским. Такие, как она, сходят за своего в любой компании.

Наверное, я тоже принадлежу к породе людей-хамелеонов. Во всяком случае Жанна меня не узнала, когда ждала меня со своей знакомой на углу магазина элитных мужских костюмов, где мы договорились встретиться.

Честно говоря, я бы тоже прошла мимо, если бы меня не остановила мысль «вот женщина, похожая на Элю».

Они одновременно очень похожи и очень непохожи. Так бывает. Да.

Милые, уютные черты круглого лица старшей у младшей сестры обретали неожиданную почти аристократическую утонченность и в то же время во взгляде, улыбке легко считывалась доброта и простодушность.

Старшая сестра выражение лица носила как униформу. Как будто быть открытой и осторожной одновременно ей предписывал некий дресс-код.

– Привет! – я постаралась произнести это слово непринужденно и весело, так, как здороваются со старыми добрыми знакомыми.

– Здравствуйте! – брякнула Жанна, но тут же красиво вышла из положения.

– Ой, я тебя не узнала!

– Богатой буду! – продолжала я в том же духе. – Красивое пальто, – сказала первое, что пришло в голову, хотя пальто было самое обычное – серое в мелкую темно-зеленую крапинку.

И знакомая торжественно повела нас в бывший дом Эли.

Внутри он теперь представлял собой один просторный зал с возвышением для сцены, под которой внизу притаился ба-ян.

Мы с Жанной хотели остаться у входа, откуда было удобно незаметно наблюдать за происходящим, но Люда (так зовут знакомую) решительно запротестовала.

– Нет, нет, вон там свободные места! – и вместе с симпатичным парнем, которого можно было принять за ди-джея, а может, он им и являлся, потащила нас к самой сцене.

– Это Максим, – торопливо познакомила нас на ходу Люда. – А это... – к нам, широко улыбаясь, подошла высокая светловолосая девушка, – это Майя, – если что задавайте ей любые вопросы, она обо всем расскажет, – вручил нас на попечение красавицы Максим. Видимо, он, действительно, был кем-то вроде тамады.

Да. У меня было ощущение, как будто мы с Жанной случайно попали на свадьбу, и сейчас нас будут развлекать, чтобы мы, как незваные буки, не сидели в стороне от всеобщего веселья.

Под потолком покачивались на ветру бумажные фонарики, салатные и розовые.

Улыбка Майи лучилась восторгом и счастьем, а глаз, ее взгляда я почему-то не помню.

Стройную фигуру удачно обтягивало простое, но изящное мини-платье. Лазурного цвета, оно прекрасно сочеталось с ее солнечно-русыми волосами.

– Наверное, вы здесь давно, раз все знаете? – спросила я, потому что нужно было с чего-то начать разговор.

– Что вы, совсем не все, – всплеснула даже руками Майя. – Я здесь четыре года.

– Майя у нас целительница, – важно представила Люда.

– Исцеляю не я, а, – Майя подняла взгляд к салатному фонарику, спускавшемуся над нами. – А я... я просто поверила и молюсь с верой об исцелении.

– Очень интересно, – в голосе Жанны, действительно, звучал самый неподдельный интерес. – А от каких болезней исцеляете?

– Не я... – повторила она. – От всех, но такого при мне, чтобы кто-то исцелился, я не знаю, от рака... вы же это хотели услышать? Такого не было, но нет ничего невозможного. Приходите к нам в субботу и сам увидите, как происходят

исцеления, – подытожила Майя.

Люда с беспокойством следила за Жанной.

– Ну как вам у нас?

– Необычно, – сдержанно ответила Жанна.

– Да, у нас нет икон, колоколов, мы считаем, это все не нужно, а нужна только искренняя вера.

– Молодежи много у вас, – обвела Жанна взглядом зал.

– Не только молодежи, я, например, бывший партийный работник, всю свою прежнюю жизнь была атеисткой.

Жанна вздохнула.

– Думаешь о доме? – заволновалась Люда.

– Об Эле, – уточнила Жанна. – Она приходит к вам?

– Мы ее звали, – уклончиво ответила Люда. – Не все, как я, приходят каждую неделю, кто-то чаще, кто-то реже...

Людмила осеклась на полуслове, потому что на сцену поднялся бритоголовый плотный мужчина в ярко-красном галстуке. Он поприветствовал всех нас, широко улыбаясь и простирая к небу руки.

Максим стоял внизу перед ним и повторял каждое его движение, будто призывая собравшихся делать то же самое.

Речь, впрочем, была недолгой, и мужчина в красном галстуке уступил место какой-то рок-группе.

Я спросила у Майи, как она называется.

– Просто группа, – ответила девушка.

Просто рок-группа состояла из музыкантов разных возрастов. Совсем юный бас-гитарист, мужчина лет сорока пяти

с соло-гитарой, за барабанной установкой дама лет тридцати с небольшим. Примерно столько же солистке – пышнотелой блондинке с несколько хищным лицом, но черты его красивы и правильны. Голос тоже красивый и сильный, но от него постоянно отвлекает внимание слишком устойчивый каблук батильонов. А может быть, я обратила на них внимание, потому что слишком старалась подмечать каждую деталь – существенную, и не очень. Почему-то эти каблуки и красный галстук одного из их, по-видимому, лидеров были важными чертами этой нестатичной картины. Иногда мне кажется, вся наша жизнь бесконечное гениальное полотно, пришедшее в непрерывное движение.

Такая ересь вертелась в моей голове, когда я обводила взглядом по контуру три высоких бело-голубых свечи на журнальном столике.

Их почему-то так и не зажгли.

На сцену снова вышел господин в красном галстуке.

Людмила сообщила нам полусшепотом (почему-то восторженным), что он семь лет отсидел за разбой.

Раскаявшийся разбойник между тем призывал отрешиться от всех земных проблем, от насущных забот.

«От всего, что еще вас там волнует», – поймал мой приклеившийся к столику взгляд.

А потом на сцену снова вышла та же группа и снова исполнила те же песни, во всяком случае, одна из них точно уже звучала второй раз за утро.

Следующим выступал с проповедью какой-то мужчина с небольшой бородкой. Людмила шепотом сообщали нам, что он просто активный член общины, и что никому не возбраняется призывать к делам добра.

Он говорил о взаимоотношениях детей и родителей, сопровождая свой рассказ видеорядом с инфографикой, и ставил в пример всем кавказцев, почитающих отцов и матерей.

В проповеди время от времени проскальзывал один и тот же сюжет, как кто-то продал свой временный дом ради дома вечного и никогда ничуть не пожалел об этом, хотя это и не имело прямого отношения к теме.

– Сегодня мы видим среди нас новые лица, – остановился, не доходя до сцены, господин в красном галстуке. – И это замечательно, все не случайно в этом мире. Всему свое место и свое время. Давайте же возьмемся все вместе за руки и все вместе помолимся за них, пошлем им свою любовь, свои добрые пожелания.

Я сжала протянутые мне ладони – прохладные Майи и теплые Жанны...

– Отпусти, отпусти, отпусти, – услышала я горячий шепот Людмилы, обращенный к Жанне. – Вот оно, настоящее, вот оно!

При этих ее словах откуда-то из-за стульев появился вдруг большой бархатный мешок, отделанный золотом, – для пожертвований.

Людмила достала из сумочки приготовленную заранее пя-

титысячную купюру и с чувством благоговения опустила ее в мешок.

Добрые пожелания на этом не заканчивались. На сцену вышла полная красивая брюнетка в платье цвета электрик с ажурными вставками. Оно отлично гармонировало с ее длинными, отливающими синевой, блестящими волосами и ровно обрезанной челкой и букетом белых хризантем в руках.

Появление яркой красавицы послужило сигналом для Майи и она, прихватив с подоконника стопку шоколадок, поспешила с ними на сцену.

Шоколадки предназначались для именинников. Их, чуть смущенных, выстроили в ряд, желали им всяческих благ и новых духовных побед, а одной, женщине средних лет со стрижкой, в простом, но симпатичном черном платье-трапеции вручили букет хризантем. Белое на черном смотрелось как-то очень уж показательно-торжественно, как на первосентябрьской школьной линейке.

Позже в кафе-столовой, бывшей мастерской Эли, Людмила рассказала нам полушепотом историю той женщины.

– Ее подобрали в лохмотьях с тремя детьми на вокзале, отмыли, одели, накормили... Живут они здесь же, в общине. А скольким еще несчастным можно будет помочь, спасибо Элечке и всей вашей прекрасной семье...

Жанна довезла меня до дома. Автомобиль, настоящий дом на колесиках, располагал к разговорам.

Я села сзади за столик, а Жанна впереди рядом с мужем, приехавшем ее забрать.

Сначала я приняла его за ее личного водителя, так подчеркнуто старался он не привлекать к себе внимания ни поведением, ни одеждой, ни лишним словом, ничем.

– Ты знаешь, что Виктория – известная писательница? – с какой-то гордостью даже представила меня благоверному.

– Ты прочитала мою книгу?

– Нет, – честно призналась Жанна и тут же солгала. – Но собираюсь прочитать. Если честно, я больше люблю детективы или что-нибудь про любовь.

– Там есть про любовь, – навязчиво рекомендовала я собственный шедевр. – Еще какая любовь! Герой спасает героиню от болотной гадюки.

– Отчаянный мужчина, – чуть заметно поморщилась Жанна.

– Он вырос в тех местах, среди болот.

– Тогда понятно.

– Да. Бесстрашный сельский парень.

– А кто его соперник?

– У него нет соперника, – растерялась я.

– Как это нет соперника? – возмутилась Жанна. – А в чем же тогда интрига?

– Интрига в другом, в том, что героиня бросает вызов обществу, в котором все решают деньги и связи.

– Она проиграет, – уверенно и грустно произнесла Жанна.

– Нет, – еще более уверенно ответила я.

Жанна пожала плечами и вздохнула, и я решила проявить тактичность, не вынуждать ее повторять обещание прочитать мой роман. По-моему, она сочла его несколько надуманным и слишком замысловатым для того, чтобы хотя бы начать читать, и, значит, она никогда не узнает Джордана.

Для тех, кто не читал это прекрасное произведение, кратко перескажу сюжет.

«Когда растает снег» – так называется мой роман.

Книга о девушке с необычным именем Джордана пока единственное, что я написала, хотя иногда я подумываю о продолжении, но потом все же прихожу к выводу, что сказала все, что хочу сказать.

Джордана любит живые цветы, не те, которые уже чахнут, сорванные, в вазе, а те, которые растут в земле. Сорвать, как бы не так, Джордана никому их не позволит! Она с детства одержима идеей сделать мир лучше. Ее мечта сбылась. Она довольно известный ландшафтный дизайнер, к ней обращаются власть и деньги имущие, и она превращает в живые произведения искусства площадки перед супермаркетами и коттеджами, что позволяет ей купить подержанный ав-

томобиль и путешествовать по старинным городам. Как для любого по-настоящему талантливого человека, смысл искусства для Джорданы не в зарабатывании денег. Она создает шедевры возле детских приютов и домов престарелых. Но как бы не старалась Джордана, в мире по-прежнему остается много зла, а ее шедевры неизменно погребает толща снега, и к весне люди уже забывают о них. Земле нужно очень много ландшафтных дизайнеров, чтобы она постоянно пребывала в красоте. В общем, однажды Джордана обнаруживает на разбитой ей на окраине города прекрасной клумбе в форме двух плывущих рядом и касающихся друг друга боками дельфинов следы пребывания человека, а попросту говоря, свалку. Страшно разочаровавшись в горожанах, Джордана решает самоудалиться в деревню, то есть становится даун-шифтером. Вдали от цивилизации она решает обустроить собственный восхитительный мир, у нее даже появляются друзья – семья фермеров-отшельников с семьей детьми и смешной фамилией Жук. Старший сын Жука Джастин однажды спасает Джордану от болотной гатюки и влюбляется в необычную отшельницу. И все бы хорошо, но цветы неизбежно вянут осенью, а впереди такая длинная зима. И в ожидании весны Джордана лепит из снега цветы. Но с приходом тепла они становятся водой, а Джордана с самого марта ждет новой зимы...

Казалось, промозглые затяжные дожди, так неуместные зимой, хотели смыть с людей одежду и даже тела.

Как назло в квартире Лисички вырубилло все лампочки разом, как это случается в старом доме. Электрик обещал приехать рано утром, а пока я смотрела на дождь из окна.

На этот случай у меня имелась настольная лампа в форме свечи.

«Надо бы ее зажечь», – подумала я и приготовилась повернуть лампочку, вытянутую вверх наподобие пламени, но неожиданно электрический огонек вздрогнул и ярко засиял, как настоящая свеча.

Старый дом сотрясается от шагов, от голосов, от чего угодно, вот и пришел в движение нехитрый механизм, нашли я самое простое объяснение.

Я прислушалась. В дождливой тишине не было слышно тиканья часов. Или, может, музыка непогоды заглушала его? И все же они прячутся в этой квартире, как затаившийся зверек.

На столе зазвонил телефон, и это было очень кстати. Номер показался мне знакомым.

Да. Сегодня меня приглашали в театр, а я совершенно забыла об этом, как вообще перестала придавать какое-либо значение всем новым знакомствам. Да, иногда я выбиралась

на свидания в кино, кафе или ресторан, потом меня проводили до дома и, оказываясь за дверями Лисичкиной квартиры, где жил Саша, я тут же забывала об очередном ухажере. Еще недавно сама мысль хранить верность человеку, которого никогда не видела и даже не знаешь толком, как он выглядит, и которого уже нет на Земле, показалась бы мне абсурдной, но именно это происходило со мной. Даже строгая соседка Лисички и та ни в чем не могла меня уличить. До этих пор никто кроме кота из представителей мужского пола не переступал порог моего временного дома.

Я с вызовом посмотрела на искусственный огонек пластмассовой свечи, повернула его обратно и, твердо решив влюбиться сегодня же в кого-нибудь реального, впотьмах направилась к выходу.

Стратегия чувств, которую я придумала, пока спускалась с первого этажа, была проста – не замечать недостатков и отмечать малейшие достоинства.

Знакомый вышел мне навстречу без зонта и с букетом, открыл мне дверь машины.

«Галантный», – поставила я в уме жирный плюс.

– Ты знаешь, в театре сегодня трагедия. Шекспир. Итак погода не важная, да и трагедии я как-то не очень люблю. Лучше сходим в другой раз на какую-нибудь веселую комедию. Может, лучше в кино или где-нибудь посидим, или... – знакомый слегка притормозил возле филармонии. – Что там у нас сегодня? Моцарт, золотая флейта... Скучотища... По-

едем лучше в «Старую Прагу», неплохой рестораник...

– А я очень люблю Моцарта, – призналась я, почему-то чувствуя неловкость за свои пристрастия.

– Хорошо, хочешь на Моцарта, пойдём на Моцарта. В любом случае, лучше, чем Шекспир.

Саша бы так никогда не сказал – выбралась, как мышь из норы, непрошенная мысль из черной дыры подсознания.

Флейта, на которой играла юная богиня в лиловом бархатном платье в пол, была, действительно, золотой, марка какой-то известной фирмы, не в этом дело. Теперь я знала, как поет та птица с флейтой вместо носа, которая высиживала золотые яйца в чаще неземного леса. Я как будто брела по этому лесу, и Моцарт-шутник смеялся над временем из Вечности, и зимний дождь за окнами становился забавной шарадой.

– Ничего, можно послушать для разнообразия, – вынес в антракте вердикт мой новый знакомый. – Мне больше нравится современная эстрада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.